

Тарутинское сражение.

к.и.н. В.А. Бессонов

Сражение, состоявшееся 6 октября 1812 г. при реке Черниши, занимает важное место в истории Отечественной войны 1812 г.¹ Оно положило конец бездействию основных сил противоборствующих войск и ознаменовало собой начало второго этапа войны, который закончился отступлением и гибелью Великой армии. Подготовка к Тарутинскому сражению, его ход и результаты описаны в специальных исследованиях и обобщающих трудах по истории Отечественной войны. Однако, несмотря на, казалось бы, хорошую точность темы, обращение к ней продолжает оставаться актуальным из-за наличия фактических ошибок, спорных вопросов, недостаточной детализации и полноты описаний, а также происходящего расширения источников базы. Поэтому в данной работе на основе анализа введенных в научный оборот делопроизводственных документов и свидетельств современников была предпринята попытка реконструировать один из значимых эпизодов Отечественной войны – сражения при Тарутино.

2 сентября 1812 г., после оставления Москвы, русские войска совершили фланговый маневр и 7 сентября, выйдя на старую Калужскую дорогу, расположились лагерем у деревни Красная Пахра. Активизация неприятельского авангарда заставила 15 сентября покинуть это место и начать постепенное отступление в сторону Калуги. 21 сентября армия остановилась на заранее выбранной позиции у села Тарутино, где планировалось встретить неприятельские войска и дать им бой. Однако, 23 сентября в Главную кварти-

ру приехал бывший французский посол в России Ж.-А.-Б. Лористон с мирными предложениями от Наполеона. Переговоры с главнокомандующим армиями генерал-фельдмаршалом М.И. Кутузовым привели к прекращению боевых действий между основными силами противоборствующих армий.

Русские войска, расположившиеся в Тарутинском лагере на правом берегу реки Нары, получили возможность отдохнуть и увеличить свои силы. В армию прибывали пополнения, в том числе казачьи полки, доставлялось продовольствие и фураж, подвозились боеприпасы и медикаменты. В то время, когда боевые действия между главными силами были приостановлены, широкий размах получила «малая война». Армейские партизанские партии и отдельные отряды, местное население и ополченцы вели активную борьбу в окрестностях Москвы, нападая на транспорты и команды фуражиров, уничтожая группы регулярных войск и маздеров.

Современники тех событий единодушно отмечали, что в период пребывания русских войск в Тарутинском лагере их положение значительно улучшилось. Так, например, автор «Писем русского офицера» Ф.Н. Глинка писал: «На месте, где было село Тарутино Анны Никитиной и в окрестностях оного явился новый город, которого граждане – солдаты, а дома – шалаши и землянки. В этом городе есть улицы, площади и рынки. На сих последних изобилие русских краев выставляет все дары свои. Здесь сверх необходимых жизненных припасов можно покупать арбузы, виноград и даже ананасы!.. Тогда как французы едят одну пареную рожь и, как говорят, даже конское мясо!.. На площадях и рынках тарутинских солдаты продают отнятые у французов вещи: серебро, платье, часы, перстни и проч. Казаки водят лошадей. Маркитанты торгуют винами и водкою. Здесь между покупщиками, между продающими и меняющими, в шумной толпе отдохнувших от трудов воинов, среди

их песен и музыки забываешь на минуту и военное время, и обстоятельства, и то, что Россия уже за Нарою!».² Подобную же картину в своих воспоминаниях рисует и квартирмейстерский офицер А.Н. Муравьев: «В это время армия наша усиливалась новыми артиллерийскими припасами и казачьими полками; она снабжалась обильным продовольствием и в сравнении с перенесенными трудами пользовалась даже некоторой роскошью во всех отношениях. Всякий день и весь день была в армии ярмарка. Из Калуги и других южных губерний приезжали торговцы, и хотя все продавалось дорого, так что, например, за один белый хлеб платили по 2 руб. ассигнациями, но все-таки можно было пользоваться этим лакомством, конечно, редким для небогатых офицеров. Музыка играла у нас весь день, французы, напротив, страдали от голода, недостатка фуража и от всяких нужд: они видимо слабели, тревожились со всех сторон нашими партизанами, которые отбивали у них транспорты с порохом и оружием, разбивали и уничтожали приходящие к нему подкрепления и выведывали все как в его лагере, так и в самой Москве».³ Служивший в 7-й артиллерийской бригаде подпоручик Н.Е. Митаревский вспоминал, что в Тарутинском лагере они «варили суп с говядиной, а больше щи с капустой, свеклою и прочей зеленью; имели жаркое из говядины, а часто и из птицы; варили каши с маслом и жарили картофель; после обеда курили трубки и читали книги, а к вечеру собирались компанией пить чай».⁴

Такое положение, когда русская армия с каждым днем набирала силы, а войска Наполеона ослабевали, вполне устраивало главнокомандующего армиями. Находившейся в 1812 г. при Главном штабе А.И. Михайловский-Данилевский, который, по его словам, в это время «был доверенной особой Кутузова, Коновницына и Толя» и часто «имел счастье находиться при совещаниях их», указывал в своей истории Отечественной войны, что «довольный положением, в какое по-

¹ Бой, произошедший 6 октября 1812 г. примерно в 8 км от села Тарутино, имеет несколько вариантов названий. В документах, исходивших из Главной квартиры М.И. Кутузова писали о сражение при р. Чернише. В правительственный переписке это столкновение обозначалось как сражение при селе Тарутино. В воспоминаниях современников встречаем: сражение при Тарутино, Тарутинская битва, Тарутинское дело, нападение при Тарутино, авангардное дело, бой с Мюратом и т. д. В формулярных списках участников можно увидеть следующие названия: сражение при Тарутино, под селом или селением Тарутино, при селе Рождество и т. д. В отечественной историографии чаще всего пишут о Тарутинском сражении, битве или бое, в иностранной – бое у Винькова. Основываясь на сложившейся в отечественной историографии устойчивой традиции и учитывая то обстоятельство, что атака неприятеля планировалась силами большей части русской армии, события 6 октября 1812 г. в данной работе обозначаются как Тарутинское сражение.

² Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1990. С.84.

³ Муравьев А.Н. Автобиографические записки // Декабристы: Новые материалы. М., 1955. С.202.

⁴ Митаревский Н.Е. Рассказы об Отечественной войне 1812 г. М., 1878. С.101.

⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Записки: 1812 г. // Исторический вестник. СПб., 1890. №10. С.158.

Рисунок с натуры. Казаки.

*Генерал от кавалерии Л.Л. Беннигсен
(1745-1826).*

ставил он французскую армию, князь Кутузов, не хотел выводить Наполеона из бездействия, считал полезнее не вызывать на бой, не будить усыпленного в Кремле льва. «Чем дольше останется в Москве Наполеон, — говорил князь Кутузов, — тем вернее наша победа». Это мнение главнокомандующего подтверждает в своих записках и бывший при нем ординарцем А.Б. Голицын. Он писал: «Выиграть время и усыпить, елико можно долее, Наполеона, не тревожа его из Москвы, вот чего добивался Кутузов. Все, что содействовало к цели сей, было им предпочтаемо пустой славе иметь некоторую поверхность над авангардом». Мысль главнокомандующего о том, что поражение неприятельской армии может быть достигнуто простым выигрышем времени, находит подтверждение и в письме его зятя Н.Д. Кудашева к Е.И. Кутузовой от 19 сентября 1812 г. В нем сказано, что Кутузов «твердо уверен в том, что мы весьма скоро увидим, как неприятель не в состоянии будет более драться, потому, что дурное время года и недостаток хлеба приводят его в большое уныние». Командовавшему отдельным корпусом на Санкт-Петербургском направлении П.Х. Витгенштейну сам Кутузов писал 20 сентября 1812 г. о своих планах следующее: «Последуя осенне время наступает, через что движения большою армию делаются совершенно затруднительными, наиболее с многочисленною артиллерию, при ней находящимся, то и решил я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо разделенные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску. Кроме сего вооружены ополчения Калужское, Рязанское, Владимирское и Ярославское, имеющие все свои направле-

ния к поражению неприятеля».⁹

В официальной и частной переписке Кутузов неоднократно подчеркивал преимущества своего положения в Тарутинском лагере. Так, например, в рапорте Александру I от 1 октября 1812 г. он писал: «Вашему императорскому величеству известно, что армия не делает никакого важного движения и что посылают партии для отрезания неприятелю всякого сообщения. Множество пленных и час от часу ослабевающие силы неприятеля суть неоспоримые доказательства, сколь великую пользу таковые отряды производят». Развернутое описание успехов, достигнутых в период пребывания армии в Тарутинском лагере и ведущих к поражению неприятеля, представлено в адресованном жителям России известии из армии от 30 сентября 1812 г.¹¹ Оно вышло из-под пера Михайловского-Данилевского и было одобренного главнокомандующим.¹² В частных письмах к своим родственникам Кутузов также указывал на выгоды «малой войны» при общем бездействии главных сил. Зятю и дочери, М.Ф. и П.М. Толстым, 1 октября 1812 г. он сообщал, что «стоим уже более недели на одном месте и с Наполеоном смотрим друг на друга, — каждый выжидает времени. Между тем маленьими частями деремся всякий день и поныне везде удачно».¹³ Другой дочери, Е.М. Хитрово, 2 октября Кутузов написал: «Я по прежнему нахожусь против Наполеона. Мы наблюдаем друг за другом, прощупываем друг друга, но ни один из нас не хочет решительного боя. Между тем я веду с ним малую войну с большим преимуществом, и не проходит дня без того, чтобы мы не взяли триста человек в плен».¹⁴ Таким образом, свидетельства близких к Кутузову офицеров и его переписка позволяет сделать заключение, что главнокомандующий был вполне удовлетворен сложившимся положением, когда против неприятеля с успехом действовали не главные силы армии, а отдельные отряды и небольшие партии. Поэтому, ожидая пробуждения «усыпленного в Кремле льва», он не стремился самостоятельно возобновлять «большую войну», чтобы его разбудить.

Однако занятая Кутузовым выжидательная позиция, оправдавшая себя в ходе последующих действий и поддержанная позже современниками, не находила полного понимания в армии. Сведения об этом можно встретить в дневнике, поручика Лейб-гвардии Семеновского полка А.В. Чичерина. 3 октября он записал: «Теперь, когда мы столь долго стоим на месте и у всех было время наговориться, каких только предположений не вызывала неподвижность событий, каким только неразумным суждениям не подавало повода наше бездействие! Я столько наслушался разных мнений, смутных слухов, что

не знаю уж, кому и чему верить».¹⁵ 7 октября, уже после Тарутинского сражения, Чичерин, возвращаясь к этой теме, отмечает: «Как все, я жаловался на наше бездействие. Как все, я не мог удержаться от сравнения отличного состояния нашей армии с тем, что мы узнавали о французской от перебежчиков и пленных; я терялся в предположениях и не мог понять, почему мы словно робеем неприятеля».¹⁶

Точка зрения главнокомандующего на ведение войны не имела единодушной поддержки и среди генералитета. Наиболее последовательным противником Кутузова в это время был исполнявший должность начальника его Главного штаба генерал от кавалерии Л.Л. Беннигсен. Он считал необходимым вести против неприятеля активные боевые действия, к чему призывал и накануне сдачи Москвы и в период движения к Тарутинской позиции. Отмечая в своих записках улучшение положения русской армии и плохое состояние неприятельской, Беннигсен делал вывод, что «при этих выгодных обстоятельствах было необходимо пользоваться каждым случаем, чтобы напасть на противника, с более превосходными силами, одушевленными желанием вступить в бой, и нанести решительный удар врагу, который уже был ослаблен, изголодался, впал в уныние от понесенных им огромных потерь и не имел ни кавалерии, ни артиллерийских лошадей».¹⁷

Кардинальное различие во мнениях между Кутузовым и Беннигсеном приводило к частным столкновениям и обострению отношений. По свидетельству А.Б. Голицына,

*Генерал-лейтенант П.П. Коновнитин
(1764-1822).*

Беннигсен после осмотра Тарутинской позиции пытался доказать главнокомандующему, что слабость левого фланга не позволит принять сражение на этом месте. «Разговор, — пишет Голицын, — продолжался долго, спер-

⁶ Михайловский-Данилевский А.И. *Описание Отечественной войны 1812 г.* СПб., 1840. Ч.3. С.220.

⁷ Голицын А.Б. *Записки о войне 1812 г.* // Военный сборник. 1910. №12. С.26.

⁸ М.И. Кутузов: *Сборник документов*. М., 1954. Т.4. Ч.1. С.325.

⁹ Там же. С.327-328.

¹⁰ Там же. С.419.

¹¹ Там же. С.407.

¹² Михайловский-Данилевский А.И. *Записки: 1812 г. ...* С.161-162.

¹³ М.И. Кутузов... Т.4. Ч.1. С.425.

¹⁴ Там же. С.431.

¹⁵ Дневник Александра Чичерина: 1812 – 1813. М., 1966. С.32.

¹⁶ Там же. С.33.

¹⁷ Записки графа Л.Л. Беннигсена о компании 1812 г. // Русская старина. 1909. №9. С.517.

и рассуждали хладнокровно, потом Кутузов разгорячившись и не имея что возвратить на представление Беннигсена, сказал ему: «Вам нравилась ваша позиция под Фридландом, а я доволен этой и мы на ней остановимся, потому что я здесь командую и отвечаю за все».¹⁸ В письме от 10 октября 1812 г. Беннигсен жаловался своей жене: «Представляешь ли ты себе мое положение, что мне нужно с ним ссориться всякий раз, когда дело идет о том, чтобы сделать один шаг против неприятеля, и нужно выслушивать грубости от этого человека».¹⁹ Противостояние Кутузова и Беннигсена было настолько сильным, что, в конечном счете, вылилось в открытую борьбу за власть. Об этом английский представитель при русской армии бригадный генерал Р.-Т. Вильсон писал 24 сентября британскому посланнику В.-Ш. Кэткартту: «Князь Волконский перед отъездом мне сказал, что нет возможности, чтобы фельдмаршал Кутузов и генерал Беннигсен были вместе, и что весьма трудно определить, кому дать из них преимущество; что фельдмаршал, без сомнения, имеет весьма много здравого смысла, но не способен к деятельности начальству; а генерал Беннигсен имеет больше военных способностей, но не имеет твердости и, как я думаю, слишком склонен признавать французское правительство законным и прочным».²⁰

Беннигсен, исполнявший обязанности начальника штаба главнокомандующего, формально являлся вторым лицом в армии, однако его деятельность на этом посту была сильно ограничена. И вообще в управлении войсками в Тарутинском лагере не наблюдалось должного порядка. Согласно «Учреждению для управления большой действующей армией», принятому 27 января 1812 г., главнокомандующий должен был осуществлять руководство армий при помощи Главного полевого штаба, состоящего из четырех основных отделений: начальника главного штаба, инженерного, артиллерийского и интендантского. Возглавляемое начальником штаба отделение занималось управлением армий и состояло из квартирмейстерской части, во главе которой стоял генерал-квартирмейстер, и дежурства армии, находившегося под руководством дежурного генерала.²¹ Однако, эта утвержденная императором система не действовала в штабе Кутузова.

7 сентября главнокомандующий издал приказ о назначении при нем дежурным генералом генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, «которого отношения, по власти от меня делаемые, принимать повеления, как мои собственные».²² Тем самым, дежурный генерал, надеясь не свойственными ему полномочиями, выводился из прямого подчинения начальнику штаба и, фактически, заменил его. По свидетельству начальника шта-

ба 1-й Западной армии, генерал-майора А.П. Ермолова, Кутузов сделал это «с намерением, как угадать легко, не допускать близкого участия в делах (по новому положению о действующих армиях) генерала барона Беннигсена, к которому отношения его были очень неприязненны, но звание, последним носимое, необходимо к нему приближало».²³ Подобное же объяснение действиям главнокомандующего дал в своих записках находившийся при Главном штабе квартирмейстерский офицер А.А. Щербинин. Он писал, что

Генерал-лейтенант Ф.К. Корф
(1779-1823).

по назначению Кутузова «генерал-лейтенант Коновницын поступил дежурным генералом, но со всей властью начальника штаба, при котором звании граф Беннигсен,²⁴ не заслуживающий никакой доверенности, остался только номинально».²⁵

Не менее запутанно обстояло дело с должностью генерал-квартирмейстера, которую с 19 августа занимал генерал-майор М.С. Вистицкий, но фактически исполнял находившийся при Кутузове полковник К.Ф. Толь.²⁶

Следовательно, нарушая формальные установки «Учреждения», главнокомандующий приближал к себе людей, которым доверял, и с их помощью осуществлял управление войсками, тем самым ограничивая влияние занимавших ответственные должности генералов, и в первую очередь Беннигсена.

Окончательной концентрации власти в руках Кутузова и его ближайшего окружения в немалой степени способствовал отъезд главнокомандующего 1-й армией М.Б. Барклая де Толли. 21 сентября Кутузов отдал приказ о принятии на себя всех обязанностей главнокомандующего по 1-й армии, в

состав которой еще раньше, 16 сентября, была включена 2-я армия.²⁷ Тем самым Главный штаб Кутузова практически полностью заменил штаб 1-й армии.

Ермолов в своих записках оценивал происходившие изменения следующим образом: «До сего доклады фельдмаршалу делал я, и приказания его мною отдаваемы были, но при новом вещей порядке одни только чрезвычайные случаи объяснял я ему лично и заметил, сколь много переменилось прежнее его особенное ко мне расположение. ... Уменьшившиеся мои занятия заставили меня повторить рапорт мой об удаление от должности, но без успеха; итак, остался я при главной квартире, свидетелем чванства разных лиц, возникающей зависти, интриг, пронырства и прописков».²⁸

О сложившемся в Главной квартире положении адъютант Кутузова В.И. Левенштерн писал следующее: «Кутузов, не желая разделять своей славы с кем бы то ни было, удалил Барклая, отеснил Беннигсена и обрек Ермолова на полное бездействие. Генерал Коновницын, полковник Толь и зять Кутузова, князь Кудашев, были единственными поверенными его тайн».²⁹

Таким образом, окрепшие в Тарутинском лагере русские войска были готовы продолжать войну и мстить за осквернение Москвы. В армии и обществе ожидали примерного наказания неприятеля и освобождения первопрестольной. Однако отсутствие единого мнения в Главной квартире Кутузова о планах дальнейшего ведения войны, открытая вражда между Кутузовым и Беннигсеном, нарушение установленного порядка в системе управления войсками не могли способствовать консолидации усилий на активную борьбу с оказавшимся в сердце России неприятелем. Сложившееся положение дел негативным образом отразилось на подготовке и проведение первого, после возникшей с 23 сентября паузы, крупного наступления русской армии на неприятельский авангард, названного впоследствии Тарутинским сражением.

К началу октября 1812 г. главные силы русской армии стояли в лагере, расположенному за селом Тарутино на правом берегу реки Нары. На левом берегу находился авангард под командованием генерала от инфантерии М.А. Милорадовича, впереди которого были выставлены аванпосты, подчинявшиеся генерал-лейтенанту Ф.К. Корфу. После приезда Лористона в Главную квартиру активные боевые действия между стоявшими друг против друга войсками прекратились. На аванпостах начали происходить мирные встречи между противниками.

Неприятельские офицеры и генералы говорили о необходимости заключения мира, в то время как русские указывали, что война для них только начинается. Об одной из

²³ Записки А.П. Ермолова: 1798 – 1826 гг. М., 1991. С.214.

²⁴ Л.П. Беннигсен был возведен в графское достоинство в 1813 г. См.: Российский архив. М., 1996. Вып.7. С.316-317.

²⁵ Щербинин А.А. Записки // Харкевич В. 1812 г. в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып.1. С.31.

²⁶ М.И. Кутузов... Т.4. Ч.1. С.95; Российский архив ... С.336.

²⁷ М.И. Кутузов... Т.4. Ч.1. С.314, 332.

²⁸ Записки А.П. Ермолова. Указ. соч. С.215, 216.

²⁹ Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1901. №1. С.128.

La retraite

таких бесед, состоявшейся 25 сентября между Корфом и командиром 3-го резервного кавалерийского корпуса Арманом Лебрёном де Ла Уссэ, в своем дневнике оставил запись Вильсон. «У них зашел разговор о мире. Аманд (Ла Уссэ – В.Б.) заметил: «Нам и впрямь совсем уже надоела эта война, давайте наши паспорта, и мы удалимся». – «Ну, уж нет, генерал, вы явились без приглашения, так и уходите, не прощаясь». – «Очень жаль, – ответствовал француз, – что двум уважающим друг друга народам приходится вести истребительную войну. Мы готовы принести извинения за вторжение и обменяться рукопожатиями на границах» – «Кажется, вы действительно научились за последнее время уважать нас, – согласился русский генерал, – но сохраниться ли сиеуважение, если мы позволим вам уйти с оружием в руках?» – «Parbleu!»³⁰ – вздохнул месье Аманд. – вижу, сейчас бесполезно говорить с вами о мире, у нас ничего из этого не выйдет».³¹

Особенно поражали современников встречи Милорадовича с командующим авангардным отрядом маршалом Франции И.-Н. Мюратом, на которых русский генерал разговаривал «в той манере и таком тоне, кои в высшей степени соответствовали достоинству и заслуженной гордости армии».³² «Если бы можно было забыть о присутствии неприятеля, – отмечал в своих записках Ермолов, – казалось бы свиданье их представлениям на ярмарке или под качелями. Мюрат являлся то одетый по-гиппански, то в вымышленном преглупом наряде, с собольей шапкой, в глазетовых панталонах. Милорадович – на казачьей лошади, с плетью, с тремя шальями ярких цветов, не согласующихся между собой, которые, концами обернутые вокруг шеи, во всю длину разевались по воле ветра. Третьего подобного не было в армиях!».³³

Однако посещения аванпостов Мюратом не всегда были для него безопасными. В записках Муравьева описывается случай, когда Мюрат, отделившись от сопровождения, начал демонстративно рассматривать расположение русских войск в подзорную трубу. В негодовании полковник В.А. Сысоев вскочил на лошадь и с одной нагайкой помчался к Мюрату, который, увидев казака, поскакал назад, к своей свите. «Сысоев, – пишет Муравьев, – на своем резном горском коне догонял его, подняв вверх нагайку, которую намеревался ударить его. В этом обоюдном скаковом движении находились они около пяти минут. Картина была восхитительная! Два отважных и храбрых витязя, оба на прекрасных борзых конях совершенно различ-

ных пород, но оба чрезвычайно резвые: один витязь – король в великолепной одежде на богато убранном коне – во всю лошадиную мочь ускакивает, другой – в простой казачьей куртке – догоняет его, стоя на стременах и держа над его спиной нагайку, которую чуть было не нанес ему удара, но королевская свита, видя опасность своего повелителя, скоро поспешила подскакать к нему на помощь, и Сысоев один, принужден был остановиться и, мало-помалу весьма тихо отступая, грозил королю нагайкою и ругал его как умел казак по-французски».³⁴ Генерал-адъютант Наполеона Ф. Сегюр, возможно, с чьих-то слов, упомянул в своих воспоминаниях о более опасном для жизни Мюрату случае, когда появившейся на аванпостах маршал был встречен выстрелом казака.³⁵

Маршал Мюра в России в 1812 г.

Следует отметить, что бездействие авангардных войск не было абсолютным. Если днем между противниками не происходило серьезных столкновений, то ночью казаки постоянно тревожили неприятельские аванпосты. В письме к М.С. Воронцову Вильсон пишет, что сразу после визита Лористона казаки захватили не менее 43 кирасир ночью и 53 – утром.³⁶ В Журнале военных действий указывалось, что 27 и 28 сентября из авангарда были доставлены 4 военнопленных офицера и 346 рядовых. По рапорту Милорадовича 29 сентября записано о нападении казаков на неприятельские пикеты и захвате лошадей. 3 октября из авангарда были присланы 1 офицер и 37 рядовых.³⁷

³⁰ Муравьев А.Н. Указ. соч. С.205.

³¹ Сегюр Ф. Поход в Москву в 1812 г. М., 1911. С.83.

³² Вильсон Р.-Т. Указ. соч. С.162.

³³ Записки А.П. Ермолова. Указ. соч. С.210.

Таким образом, несмотря на прекращение активных боевых действий и мирные встречи противников, положение на передовой линии в целом оставалось напряженным.

К началу октября русская армия значительно окрепла. Армейские части были укомплектованы за счет расформированных егерских полков, распределения сводных grenadierских батальонов и прибывшего пополнения. Кавалерийские полки пополнились лошадьми, артиллерия – боеприпасами. К армии был присоединен 1-й конный полк Тульского ополчения. Кроме того, численность иррегулярной конницы увеличилась за счет следовавших с Дона 26 казачьих полков. Согласно рапорту от 6 октября 1812 г. «состоявших на лицо, могущих быть в строю и действии людей» в армии было 88386 человек.³⁸

В это число входило 255 штаб-офицеров, 2281 обер-офицер, 69581 нижний чин и 11179 распределенных по частям воинов Московского ополчения. Из нижних чинов в строю находилось 5090 унтер-офицеров, 51046 старослужащих солдат, 16215 рекрут и 2320 музыкантов. При этом кавалерия насчитывала 10207 человек, пехота – 68202 и артиллерия – 9977. При армии находилось 620 орудий, из которых 216 батарейных, 292 легких и 112 конных.

Но в рапорт не были включены казачьи полки (примерно 24 тыс. чел.), некоторые армейские части, находившиеся, вероятно, в составе партизанских партий и отдельных отрядов (около 7,6 тыс.), а также воины Смоленского ополчения (не менее 8 тыс.).³⁹ Следовательно, общая численность русской армии составляла приблизительно 128 тыс. чел. При этом в Тарутинском лагере и авангарде находилось не более 120 тыс. чел. По крайней мере, при расчете продовольствия в начале октября

общую численность армии полагали примерно в 120 тыс.⁴⁰

После вступления армии Наполеона в Москву за отступающими русскими войсками должен был следовать авангард под командованием Мюрата. Потеряв из вида в первых числах сентября основные силы русских, он обнаружил их уже на старой Калужской дороге и следовал за ними до реки Черниши. Здесь с 23 сентября авангард оставался в бездействии, наблюдая за стоявшими в Тарутинском лагере войсками.

Противостоящий главным силам русской армии отряд Мюрата состоял из четырех резервных кавалерийских корпусов, 5-го ар-

³⁸ Там же. С.360.

³⁹ Шведов С.В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. №4. С.133-134, 136.

⁴⁰ М.И. Кутузов... Т.4. Ч.1. С.440; 1955. Ч.2. С.81.

мейского корпуса, 2-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса и легиона Вислы из императорской гвардии. Свои войска Мюрат расположил перпендикулярно старой Калужской дороге, по обоим берегам реки Черниши от впадения ее в реку Нару до д. Боковинка (Ильинно), и далее по берегам впадавшего в Чернишину ручья Десенки до д. Тетеренки. Река и ручей, протекавшие в глубоких оврагах, разделяли войска Мюрата на две части. Кроме того, река Чернишия, поворачивавшая у Боковинки почти на девяносто градусов, отделяла от основных сил левый фланг. Впереди этого фланга на расстоянии 1,5-2 км находился Дедневский лес, простиравшийся до деревни Дмитровской. От этой деревни до Спас-Купли тянулся другой лесной массив, нависавший над левым флангом авангарда.

На правом фланге отряда Мюрата располагался 4-й резервный кавалерийский корпус генерала М.В.Н. Латур-Мобура. Он был поставлен на правом берегу Черниши между рекой Нарой и ручьем Каменкой. Рядом находился 3-й резервный кавалерийский корпус Ла Уссэ, 3-я легкая дивизия которого стояла на левом берегу Черниши, а б-я тяжелая - на правом, у д. Кузовлево. На левом берегу, по обеим сторонам Калужской дороги, у д. Виньково (Чернишия) были расположены полки легиона Вислы генерала М.Клаппера. На правой стороне реки, за д. Коццева находилась 2-я пехотная дивизия Ф.М. Дюфура. Левее нее стояли 1-я и 5-я тяжелые дивизии 1-го резервного кавалерийского корпуса А.Ж. Сен-Жермена. Старший вахмистр 2-го кирасирского полка 1-й тяжелой кавалерийской дивизии О. Тирион в своих воспоминаниях отмечал: «Не знаю, куда была направлена наша легко-кавалерийская дивизия, но только в течение 3-х недель, что мы там провели, мы ее ни разу не видели».⁴¹ Основываясь на этом свидетельстве и учитывая показания начальника партизанского отряда штабс-капитана А.С. Фигнера о наличии войск в селе Вороново,⁴² можно предположить, что 1-я легкая дивизия была командирована туда для прикрытия коммуникационной линии отряда Мюрата. На левом берегу Черниши, на возвышенности между деревнями Петрово (Ходырево) и Тетеренкой, находились 16-я и 18-я пехотные и легкая кавалерийская дивизии из 5-го польского корпуса Ю.А. Понятовского. На левом фланге отряда был расположен 2-й резервный кавалерийский корпус О.Ф. Себастьяни. Его 2-я легкая и 2-я тяжелая дивизии находились впереди Тетеринки на левой стороне ручья Десенки, а 4-я тяжелая - на правой. Сам Мюрат со своим штабом располагался позади левого фланга в усадебном доме села Рождествено. Впереди, на значительном расстоянии от основных сил, находилась линия аванпостов, занимавших и часть расположенного против Тетеринки леса. Для их

Мирбах. «Фуражировка» французских конных егерей.

усиления были выдвинуты два батальона 3-го пехотного польского полка 16-й пехотной дивизии под командованием полковника И. Блумера. Общая протяженность фронта была более 8 км. При этом за аванпостами, в первой линии, на левом берегу Черниши и Десенки находились три пехотные, три легкие и одна тяжелая кавалерийские дивизии, а во второй, на правом берегу - одна пехотная, одна легкая и пять тяжелых кавалерийских дивизий.⁴³ Таким образом, силы Мюрата оказались равномерно распределены по разным сторонам реки и ручья. Следует отметить, что на правом берегу была сосредоточена, в основном, тяжелая кавалерия, а пехота и большая часть легкой кавалерии находились в первой линии на левом берегу.

Положение расположенного на биваках, вдали от основных сил Наполеона, отряда Мюрата было очень тяжелым. Тирион в своих воспоминаниях называл это место «голодный лагерь».⁴⁴ О недостатке продовольствия и сложности фуражировок можно встретить свидетельства во многих мемуарах тех, кто находился в лагере у реки Черниши. Наиболее яркие картины о положении войск Мюрата оставил в своих воспоминаниях Х. Роос, старший врач 3-го вюртембергского конно-егерского полка 2-й легкой кавалерийской дивизии корпуса Себастиани. Он писал: «Рожь, ячмень, гречиху, добытую нами, варили, по большей части, без обработки, до тех пор, пока зерна разбухали, лопались и в зависимости от густоты заварки получалась каша или похлебка. Другую часть ржи мололи коленными или ручными мельницами для приготовления хлеба. Это была тяжелая работа для худых и слабых рук; менялись за нее часто, вместо муки получались лишь мятые зерна, какая-то каша, из которой с та-

ким же трудом приготвляли плотный, тяжелый хлеб. ... Соли не хватало часто, но в особенности теперь. Поэтому иногда вместо нее употребляли порох. При варке порох разлагался на свои составные части, так что уголь и сера всплывали черными пятнами и их снимали, селитра же растворялась в похлебке. Посол селитрой бывает острым, сдиким, неприятным; от него развивается жажда и понос; вот почему пришлось приучаться обходитьесь совсем без соли. Масла никогда не было; вместо него пускали в ход сало, иногда даже сальные свечи».⁴⁵ Вместе с тем, питание вюртембергцев и их соседей пруссаков было лучше, чем в других полках. «Когда, - сообщает Роос, - съеден был весь окрестный убойный скот, счастливая случайность представила нам остатки того рогатого скота и овец, которых мы собрали за Неманом. Само собой разумеется, эти медлительные животные, совершившие жарким летом столь длительное путешествие, да еще по странам, где позади нас не осталось никакого пастбища, далеко не представляли собой откормленных на убой быков; это были коровы и овцы, истощенные, словно драные кошки, и все же они пришли к нам очень по вкусу. У нас каждый день резали скотину, тогда как поляки и французы частенько посыпали мясо наших дохлых лошадей, валявшихся по лагерю. Даже прислуга короля в конце концов кормилась исключительно кониной. Навар от овечьего и коровьего мяса мы пили, как чай или кофе».⁴⁶

О положении в лагере у Тетеринки Роос писал: «У нас не было ни шалашей, ни бараков, ни палаток. Несмотря на уже октябрьские ночи все лежали под открытым небом, в конце концов даже на голой земле, ибо соломы не было».⁴⁷ В лучшем положение находились польские части 5-го пехотного корпуса. Находившийся при штабе Ш. Лефевра-Денуэтта, командовавшего легкой кавалерийской дивизией, капитан К.И. Колачковский свидетельствовал: «Жили мы в бараках, опущенных фута на два в землю. Крыша из хвороста и дранки обеспечивала нас от дождя. Такой барак был довольно теплым, мы раскладывали в нем огонь, причем дым выходил

⁴¹ Тирион А. Воспоминания офицера французского кирасирского №2 полка о компании 1812 г. СПб., 1912. С.31.

⁴² Отечественная война 1812 г.: Материалы Военно-ученого архива. СПб., 1912. Т.19. С.11.

⁴³ Тирион А. Указ. соч. С.31.

⁴⁴ Роос Г. Указ. соч. С.173-174.

⁴⁵ Там же. С.174.

⁴⁶ Там же. С.182.

дил через отверстие». ⁴⁸ Кроме того, он указывал, что Лефевр-Денуэт радушно принимал у себя офицеров штаба, поэтому они не имели нужды в пище. Вместе с тем, начальник штаба 16-й пехотной дивизии 5-го корпуса Я. Вейссенхоф свидетельствовал: «Сам князь Юзеф (Понятовский – В.Б.) так бедствовал, что офицеры его штаба искали лучшего стола, где только могли». ⁴⁹ Следовательно, при общей для всех войск авангарда неустроенности быта и сложности продовольствования, отдельные части и лица имели возможность жить в лагере с большим комфортом и, в сравнении с другими, лучше питаться.

Не меньшей проблемой было отсутствие в авангарде Мюраты достаточного числа войск. По данным французского историка Ж.Шамбре в стоявшем против русской армии отряде было 26541 чел. ⁵⁰ Однако, реально его численность была меньше. На первом этапе войны полки резервной кавалерии понесли большие боевые и не боевые потери, отчего их численность значительно сократилась. Роос свидетельствует, что в 3-м вюртембергском конно-егерском полку 4 октября

было всего 40 чел. (34 строевых: 3 штаб-, 6 пехотной дивизии – 2500, в 5-м армейском корпусе – 5500 пехоты и 1500 кавалерии). Следовательно, в авангарде Мюраты было примерно 19 тысяч человек, и, как заметил Колачковский, занятый «фронт был слишком длинен для наших слабых сил и положение наше на этой позиции было не безопасно». ⁵¹ При авангарде находилось 187 орудий, которые, по словам Колачковского, «более отягощали нас на походе, чем помогали нам». ⁵²

Опасность расположения своего отряда хорошо сознавал и Мюрат. 10 октября он писал О. Бельяру: «Мое положение ужасно: передо мной – вся неприятельская армия. Части авангарда превращены в ничто: они страдают от голода; нельзя отправлять фуражиров без риска, что их почти наверняка переловят. Не проходит дня, чтобы я не терял таким путем человек 200. Чем все это кончиться? Боюсь сказать императору правду, ибо она огорчит его». ⁵³ Однако, положение авангарда не было секретом для Наполеона. Генерал-адъютант императора А. Коленкур упоминает, что «в ответ на сообщение короля (Мюраты – В.Б.) о состоянии его кавалерии, о его ежедневных потерях и о трудностях снабжения он (Наполеон – В.Б.) разрешил ему в ожидании нового маневра расположиться на позициях у Воронова, прикрытых пехотой; но перемирие по молчаливому согласию, которое длилось уже несколь-

Бомблед. Бивуак французов на руинах Москвы.

ко дней, побудило короля... оставаться на своих прежних позициях». ⁵⁴

Пересеченная местность, расстоянность линии фронта и охватывавший левый фланг лес являлись слабыми местами занятой авангардом позиции. При этом наиболее уязвимым для атаки был левый фланг, на котором располагался корпус Себастьяни. «Все левое крыло, – замечает Колачковский, – как говорится, «висело в воздухе», то есть не имело никакой верной опоры и было вполне представлено предприимчивости смелого неприятеля». ⁵⁵

Сложившееся к началу октября положение, когда против окрепших в Тарутинском лагере русских войск стоял оторванный от главных сил и терпевший нужду малочисленный неприятельский отряд, способствовало возникновению в русской армии желания примерно наказать самоуверенного противника. В своих воспоминаниях офицер 7-й артиллерийской бригады Митаревский писал, что, несмотря на удобство лагерной жизни, в войсках «нача-

ли скучать и говорить: «Что ж это мы стоим здесь на одном месте, а французы прохладжаются в Москве? Пора бы их побеспокоить!» Особенно Мюрат со своим авангардом был как бельмо в глазу. За несколько дней до движения против него говорили: «Нетолько Мюрат можно разбить, но и всех французов, что с ним, забрать живьем. Видно, наш старик фельдмаршал задремал». На это возражали: «Фельдмаршал не дремлет, а не хочет будить французов и выжидает, пока сами проснутся. Мы поправляемся, а французы слабеют». Хотя это была и правда, но она не совсем успокаивала умы». ⁵⁶

Несмотря на царившие в армии настроения главнокомандующий продолжал придерживаться избранной им тактики «малой войны» и не торопился переходить в наступление. Этому, возможно, способствовало и то обстоятельство, что в Главном штабе не располагали точными сведениями о действиях противника, несмотря на значительное число окружавших Москву партизанских отрядов. Такое положение приводило к распространению в штабе и армии ложных сведений и различного рода слухов. В дневниковой записи от 29 и 30 сентября находившийся при Беннигсене прaporщик Н.Д. Дурново отмечает: «Говорят, что французы собираются отступать. Этот слух требует подтверждения», а 1 и 2 октября он записал: «Полагают, что французы решили покинуть Моск-

⁴⁸ Колачковский К.И. Указ. соч. С.61.

⁴⁹ Вейссенхоф Я. Из записок генерала Яна Вейссенхофа // Военно-Исторический сборник. 1919. №2. С.228.

⁵⁰ Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. Paris, 1838. T.1. P.215.

⁵¹ Роос Г. Указ. соч. С.178.

⁵² Васильев А.А. Указ. соч. С.51-52.

⁵³ Колачковский К.И. Указ. соч. С.60.

⁵⁴ Там же. С.59.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Цит. по: Тюлар Ж. Мюрат или пробуждение нации. М., 1993. С.281.

⁵⁷ Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С.180.

⁵⁸ Колачковский К.И. Указ. соч. С.58.

⁵⁹ Митаревский Н.Е. Указ. соч. С.118-119.

ву. Эта новость требует подтверждения».⁶⁰

Ни в деловых бумагах, ни в частной переписке Кутузов не высказывал намерений настичь на противника основными силами армии. Однако чем дольше русские войска оставались в бездействии, тем сложнее было Кутузову противостоять общему желанию перейти к решительным действиям, активным выразителем которого являлся противник выжидательных мер Беннигсен.

В конца сентября Беннигсен предпринял попытку склонить главнокомандующего к активизации действий. Но инициатива Беннигсена не увенчалась успехом, что привело к конфликту между генералами. Дурново в дневниковой записи за 29 – 30 сентября отмечал, что «генерал Беннигсен огорчил нас грустной новостью: имея неприятности с главнокомандующим Кутузовым, он отправляется в Петербург».⁶¹ В следующие дни эти разговоры прекратились, из чего Дурново заключил, что Беннигсен помирисился с фельдмаршалом, заметив при этом: «я не верю, что это искренне, так как он (Беннигсен – В.Б.) продолжает казываться больным».⁶² О произошедшей между Беннигсеном и Кутузовым ссоре оставил запись в своем дневнике и Вильсон, который, по его словам, 30 сентября «исполнял роль умиротворителя». Однако, Вильсон, так же как и Дурново, заметил, что «воспоследовало всего лишь перемирие».⁶³

Причину столкновения Беннигсена с Кутузовым Вильсон раскрывает в письме к Александру I от 30 сентября (12 октября). В этот день фельдмаршал отменил уже одобренный им ранее план: направить один из корпусов в деревню, расположенную впереди левого фланга русских войск, – не сообщив при этом Беннигсену о своем решении. Предложенный Беннигсеном маневр должен был принудить неприятеля активизировать свои действия. Вместо этого, 1 октября, по распоряжению Кутузова,

ле Ваше Величество по возвращении князя Волконского не изволит учинить окончательное решение. Необходимо нужно для пользы службы Вашего Величества, чтобы сие решение воспоследовало безотлагательно, ибо пример раздора умножает непослушание и беспорядок».⁶⁴

Примерно в это время, в штабе русской армии стало известно об уязвимости левого фланга неприятельского отряда. Первым, по словам Беннигсена, слабое место в позиции Мюрат обнаружил В.В. Орлов-Денисов, проникший в лес, нависавший над флангом противника.⁶⁵ В ходе рекогносировка, проходившей примерно 28 сентября, он, будучи незамеченным, зашел в тыл левого фланга и не встретил по пути ни пикетов, ни патрулей. Вернувшись в Главную квартиру, Орлов-Денисов представил Беннигсену донесение.⁶⁶ Вероятно, о возможности обойти авангард Орлов-Денисов был уведомлен сотником Урюпинским, казачья партия которого сумела зайти в тыл французам.⁶⁷ Тогда же, вероятно, незащищенность отряда противника подтвердил начальник партизанского отряда Фигнер, «несколько раз смело и удачно прошедший между армией французской и ее авангардом».⁶⁸

Несмотря на то, что после ссоры с Кутузовым Беннигсен сказался больным, чтобы, вероятно, избежать появления в Главной квартире и встречи с главнокомандующим,

Толь, Орлов-Денисов и несколько офицеров штаба. Убедившись в реальной возможности обойти позицию противника, присутствующие на рекогносировке лица обсудили диспозицию к предстоящей атаке.⁶⁹

На следующий день, 2 октября, Толь, возглавлявший квартирмейстерскую часть, в обязанности которой входило составление диспозиций, мог снова отправиться на левый фланг противника для подробного ознакомления с местностью, откуда планировалось нанести удар. Можно предположить, что в ходе повторной рекогносировки Толь, в сопровождении квартирмейстерского офицера Е.И. Траскина и нескольких казаков,⁷⁰ повторил движение Фигнера⁷¹ и уточнил последние детали, необходимые для составления диспозиции.

Примерно в то же время изучался левый фланг русской позиции. Об этом свидетельствует в своем дневнике Дурново, которого 3 октября вместе с подпоручиком бароном Г.Г. Армфельдом Беннигсен направил сделать съемку этой местности. Встретив в районе дома Кусовникова⁷² офицеров Главного штаба из авангарда, они узнали, что эта задача ими уже давно выполнена и посланцам Беннигсена осталось только скопировать уже составленный план.⁷³

После завершения подготовительных работ Беннигсен, считавший, что при сложившихся обстоятельствах нельзя терять времени, 3 октября обратился к Кутузову с письмом, в котором убеждал перейти к активным боевым действиям. В направленном фельдмаршалу письменном предложении генерал писал:

«Господин фельдмаршал, судя по полученным нами сведениям и донесениям, можно предполагать, что подкрепления ожидаемые неприятелем, и которые идут к нему под командой маршала Виктора, находятся уже не далеко от нас; поэтому мне кажется, интересы нашего монарха и государства требуют, чтобы мы, не

А. Адам. Перед Москвой 20 сентября.

он 1 октября уже отправился к авангарду.⁷⁴ Возможно, именно в этот день была проведена рекогносировка местности, расположенной за левым флангом неприятеля. В ней, по свидетельству Беннигсена, кроме него принимали участие генерал-квартирмейстер

теряя времени, атаковали со всеми силами, сосредоточенными под начальством вашего

⁶⁰ Записки графа Л.Л. Беннигсена о компании 1812 г. Указ. соч. С.519.

⁶¹ Щербинин А.А. Указ. соч. С.36-37.

⁶² Глинка Ф.Н. Сражение при Тарутино ... Кн.10. С.45.

⁶³ В 1812 г. надворный советник П.А. Кусовников был владельцем села Успенского, располагавшегося на правом берегу реки Нары. См.: Булычев Н.И. Архивные сведения касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии: Калужское дворянское ополчение. Калуга, 1910. Приложение. С.75.

⁶⁴ Дурново Н.Д. Указ. соч. С.96.

⁶⁵ Вильсон Р.-Т. Указ. соч. С.179.

⁶⁶ Записки графа Л.Л. Беннигсена о компании 1812 г. Указ. соч. С.517, 521.

⁶⁷ Там же. С.519.

⁶⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. ... С.219.

⁶⁹ Глинка Ф.Н. Сражение при Тарутино // Военный журнал. 1818. Кн.10. С.44-45.

⁷⁰ Вильсон Р.-Т. Указ. соч. С.75.

⁶⁰ Дурново Н.Д. Дневник 1812 г. // 1812 год...: Военные дневники. М., 1990. С.95, 96.

⁶¹ Там же. С.95.

⁶² Там же. С.96.

⁶³ Вильсон Р.-Т. Указ. соч. С.74.

⁶⁴ Отечественная война 1812 г.: Материалы Военно-ученого архива ... С.123.

сиятельства, неприятеля, который стоит против нас, под командой короля Неаполитанского, прежде нежели помянутые подкрепления подойдут к французской армии. Этому меру надлежит, по моему мнению, принять без промедления, так как, судя по полученным нами сведениям, Наполеон со всей его гвардией находится еще в Москве; а у короля Неаполитанского мало артиллерии, ка-валерии же не более 8000 человек.

Ваше сиятельство, конечно лучше меня оцените всю важность сделанного мною предложение, и если оно заслужит Вашего одобрения, Вы будете так добры дать мне соответствующие приказания, чтобы я имел честь представить на Ваше одобрение диспозицию атаки, которую нетрудно будет выполнить, так как перед нами находится равнина, пересеченная небольшим лесом. Считаю долгом присовокупить, что неприятель прорвал, несколько дней тому назад, цепь наших аванпостов и поставил свои аван-

поля Неаполитанского».⁷⁷ Еще Бенигсен отмечал: «Можно было предвидеть, что в тот день, когда будет произведена атака, будет положено начало истреблению французской армии».⁷⁸ То есть он считал, что разгром неприятельского авангарда должен был неминуемо привести к наступлению русских войск на затаившегося в Москве противника и уничтожению его армии во главе с Наполеоном. Кутузов, вынужденный прислушаться к настоятельным требованиям об атаке и назначивший удар по отряду Мюрату на 5 октября, был другого мнения. Он не желал решительных действий, опасаясь, видимо, брать инициативу в свои руки и вступить в противоборство, результат которого он не мог предугадать.

Современники и участники тех событий не были единодушны в ответе на вопрос, кто являлся инициатором создания плана атаки неприятельского авангарда. Бывший при Бенигсене поручик М.М. Евреинов, восстанавливая по памяти, спустя почти 60 лет после войны 1812 г., события подготовки наступления, писал, что с 1 октября Бенигсен не переставал каждый день ездить к Кутузову, чтобы склонить его к нападению на Мюрута, но фельдмаршал долго удерживался и согласился только не раньше 4 октября. «Из сего было видно, что Бенигсен успел убедить его представлением ему составленного им плана, и что наступило самое удобное к тому время: тогда и фельдмаршал изъявил согласие, чтобы под главным начальством Бенигсена с несколькими корпусами приступить к атаке».⁷⁹ Щербинин, состоявший при Главном штабе главнокомандующего и писавший свои воспоминания через 50 лет после войны, придерживался другой точки зрения. Он утверждал, что «нападение на Мюрута приготовлено было подробной рекогносцировкой Карла Федоровича (Толя – В.Б.), продолжавшейся несколько дней».⁸⁰ В записках, составленных в начале 1813 г., Бенигсен называет себя составителем плана. Вместе с тем, в представленном Кутузовым 17 декабря 1812 г. императору наградном списке за Тарутинское сражение, указывалось, что «сей офицер (Толь – В.Б.), отличный по службе, единственно он, а не иной кто делал рекогносцировку неприятельского лагеря, сделал проект атаке, исполнил в точности данные от меня повеления и, несмотря на темноту ночи, подвел стотысячную армию под неприятельские пикеты, чем показал неустранимую свою деятельность и искусство».⁸¹ Историки, писавшие о войне 1812 г., также не пришли к единому мнению относительно инициатора плана атаки неприятельского авангарда.

Согласно «Учреждению для управления большой действующей армией» начальник Главного штаба был «обязан сочинять с ге-

нерал-квартирмейстером, по приказанию и особенным назначениям главнокомандующего, диспозиции к бою и движениям, и наставления генералам, командующими отдельными частями войск».⁸² При этом, непосредственное создание диспозиции возлагалось на 2-е отделение квартирмейстерской части,⁸³ находившейся под начальством генерал-квартирмейстера, который «обязан сочинять подробные наставления и предложения к бою».⁸⁴ Следовательно, инициатором подготовки диспозиции должен был выступать главнокомандующий, начальник Главного штаба принимал участие в ее рассмотрении, а генерал-квартирмейстер отвечал за ее соединение.

Предусмотренная «Учреждением» система не могла действовать в Тарутинском лагере по причине внесенных Кутузовым изменений. В делопроизводственных документах, дневниках и воспоминаниях не встречается указаний на участие главнокомандующего в подготовке плана наступления на отряд Мюрату. Более того, согласно письму Бенигсена Кутузову от 3 октября, диспозиция была уже готова, прежде чем главнокомандующий принял решение о нападении на неприятельский авангард. Бенигсен, после назначения Коновницына дежурным генералом, оказался в двусмысленном положении. Он фактически был отстранен от выполнения функций начальника Главного штаба. Учитывая произошедшие в Главной квартире Кутузова изменения можно предположить, что если бы инициатором плана атаки выступил близкий к главнокомандующему Толь, то Бенигсен не смог бы принять участие не только в составлении диспозиции, но и в ее исполнении. Однако, роль, которую сыграл Бенигсен в подготовке нападения, была отмечена большинством современников. Следовательно, можно высказать предположение, что инициатором создания плана атаки неприятельского авангарда был именно Бенигсен, сумевший организовать подготовку диспозиции и убедить главнокомандующего в необходимости ее выполнения. Что касается Толя, исполнявшего обязанности генерал-квартирмейстера, то участие в подготовке диспозиции являлось его прямой обязанностью. Следует, однако, заметить, что Толь, вероятно, поддержал идею Бенигсена активизировать боевые действия, поэтому он приступил к составлению диспозиции еще до принятия Кутузовым решения об атаке неприятельского авангарда.

О содержании утвержденного главнокомандующим плана атаки отряда Мюрату можно судить по трем опубликованным на сегодняшний день текстам диспозиции. Первый, направленный Милорадовичу, был напечатан в 1818 г. Ф.Н. Глинкой в его работе «Сражение при Тарутино».⁸⁵ Второй, неизвестно кому предназначенный, был опубли-

Генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь
(1777-1842).

посты на возвышенность, с которой каждый из его ведетов может видеть все происходящее в нашем лагере».⁷⁶ Как видно из письма, Бенигсен, обращая внимание на слабость авангардного отряда противника, опасался прибытия подкреплений и указывал на проявляемую со стороны неприятеля активность: тот отодвинул аванпосты русских войск и занял господствующую на левом берегу Нары возвышенность. Из письма можно заключить также, что диспозиция предстоящей атаки была уже подготовлена, и Бенигсен готов был ее представить на утверждение Кутузова.

По мнению Бенигсена это письмо «произвело желаемое действие. Фельдмаршал изъявил согласие на то, чтобы я атаковал ко-

⁷⁶ Записки графа Л.Л. Бенигсена о компании 1812 г. Указ. соч. С.518. См. также: Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. ... С.220-221; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г., по достоверным источникам. СПб., 1859. Т.2. С.648-649.

⁷⁷ Записки графа Л.Л. Бенигсена о компании 1812 г. Указ. соч. С.518.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Евреинов М.М. Память о войне 1812 г. // Русский архив. 1874. №2. С.451.

⁸⁰ Щербинин А.А. Указ. соч. С.36.

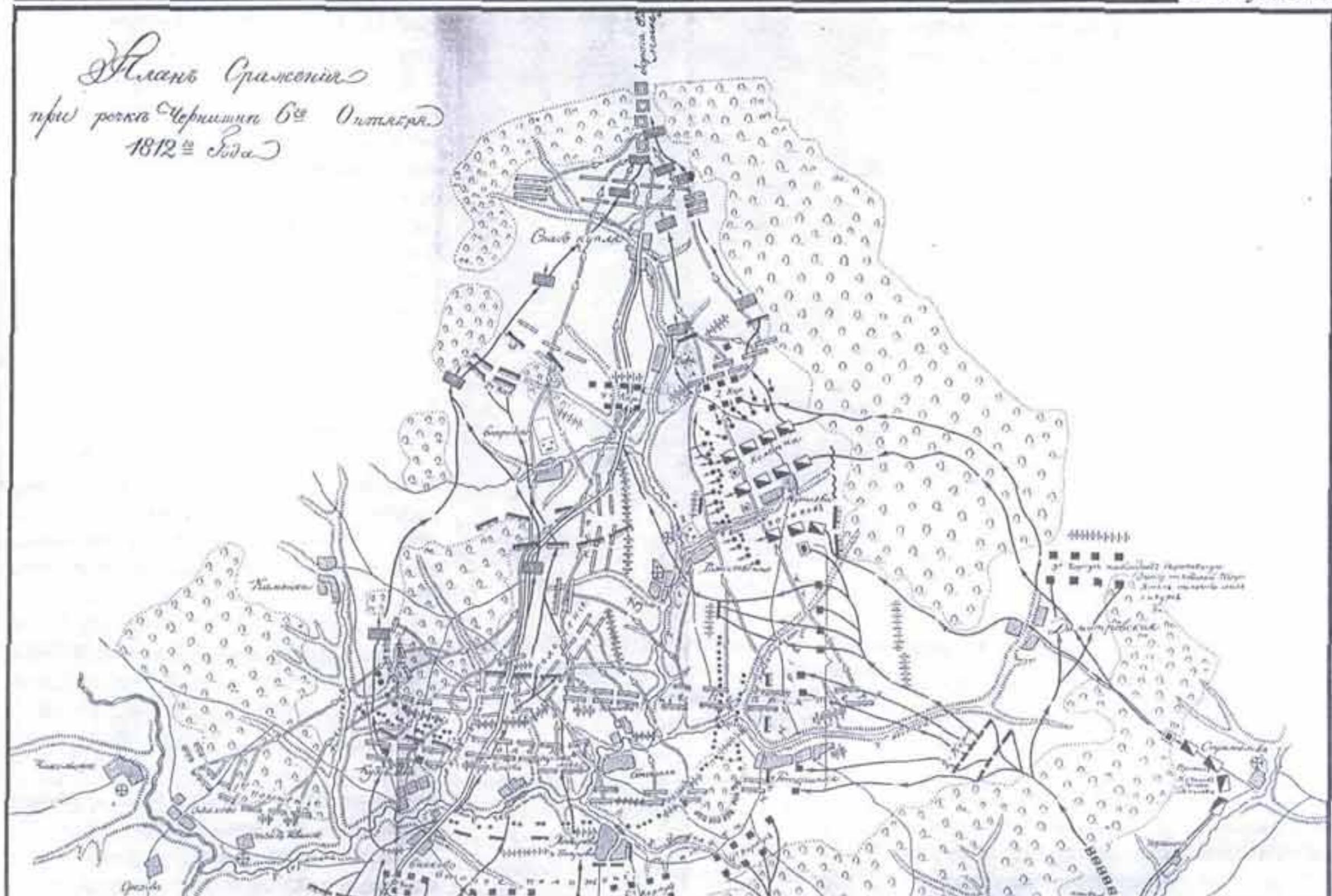
⁸¹ М.И. Кутузов: Сборник документов ... Т.4. Ч.2. С.25.

⁸² Полное собрание законов Российской империи ... С.50.

⁸³ Там же. С.49.

⁸⁴ Там же. С.51.

⁸⁵ Глинка Ф.Н. Сражение при Тарутино ... Кн.10. С.45-50.

План сражения при р. Чернишире 6 октября 1812 г., составленный К.Ф. Толем.

⁶ кован в «Истории Отечественной войны 1812 г.» М.И. Богдановича.⁶⁶ При этом историк

опустил преамбулу к диспозиции. Последний текст, препровожденный командиру 4-го пехотного корпуса А.И. Остерману-Толстому, представлен в сборнике документов «М.И.-Кутузов».⁸⁷ Сравнение этих трех вариантов показывает, что основное содержание диспозиции передано в них практически одинаково. Однако эти варианты не имеют полного текстуального совпадения и отличаются друг от друга полнотой описания отдельных частей диспозиции. В каждом из трех текстов имеются дополнения, отсутствующие в других вариантах, поэтому нельзя выделить наиболее полную версию. Наиболее близкими являются диспозиции, опубликованные Глинкой и Богдановичем. Текст, направленный Остерману-Толстому, отличается большей краткостью и наличием буквенных обозначений ключевых пунктов, указывающих на то, что к диспозиции была приложена схема местности. Кроме того, план атаки, направленный командиру 4-го пехотного корпуса, в двух случаях принципиаль-

атаки, направленный командиру 4-го пехотного корпуса, в двух случаях принципиально расходится с другими текстами. Речь идет об оценке численности неприятеля и составе приданной пехотным корпусам артиллерией. Таким образом, отсутствие полной тождественности между тремя опубликованными вариантами диспозиции, позволяет заключить, что все они писались самостоятельно и, возможно, в зависимости от назначения

дифференцировалось не только содержание текста, но и форма.

Пreamble диспозиции, приведенная в двух вариантах, имеет практически полное текстуальное совпадение. Она начинается с указания причины нападения на исправительский отряд, которая была представлена Беннигсеном в письме Кутузову от 3 октября. В диспозиции говорилось: «Прежде соединения всех исправительских сил и корпуса генерала Виктора необходимо нужно воспользоваться слабостью исправительского авангарда противу нас находящегося».⁸⁸ Однако, далее в тексте, полученном Милорадовичем, указывалось, что численность противника простирается до 50 тыс. чел., а в диспозиции, направленной Остерману-Толстому, этот показатель в два раза меньше – 25 тыс. Согласно диспозиции, исправительский отряд состоял «из 8000 кавалерии под командою неаполитанского короля, 1-го корпуса генерала Даву и 5-го корпуса Понятовского».⁸⁹

В диспозиции, опубликованной Богдановичем, говорилось, что «армия выступает из лагеря 4-го октября».⁹⁰ В двух других вариантах дата не была указана. Согласно плану атаки движение войск из лагеря должно было начаться в 6 часов вечера. Первым следовал правый фланг, состоящий из 4-го, 2-го

и 3-го пехотных корпусов, при которых находились по одной батарейной и по две легких артиллерийских роты (в диспозиции, полученной Остераманом-Толстым, речь шла о трех ротах легкой артиллерии), десяти казачьих полков при роте Донской конной артиллерии под командованием Орлова-Денисова, которому в подкрепление были назначены четыре полка регулярной кавалерии 1-го кавалерийского корпуса (Лейб-гвардии драгунский, уланский, гусарский и Неженский драгунский) при полуэрте конной артиллерии (в опубликованной Глинкой диспозиции, по-видимому, ошибочно было указано 1,5 роты) под командованием Е.И. Меллера-Закомельского.⁹¹ Силы правого фланга должны были двигаться четырьмя колоннами к селу Спасскому, где по устроенным трем мостам им следовало переправиться через реку Нару и остановиться в колоннах на расстоянии 150 шагов одна от другой. При этом место кавалерийской колонне назначалось справа от 3-го корпуса.

6-й, 7-й, 8-й и 5-й пехотные корпуса должны были переправиться через Нару при Тарутино по двум мостам и расположиться «в полковых дивизионных колоннах на полную дистанцию»⁹² («разумеется, что всякий

⁴⁰ Богданович М.И. Указ. соч. С.471.

¹¹ Следует отметить, что начальником 1-го кавалерийского корпуса Е.И. Меллер-Закомельский был официально назначен 4 октября 1812 г. приказом Кутузова по армии №40. См.: М.И. Кутузов: Сборник документов. М.

⁹² Глинка Ф.Н. Сражение при Тарутино ... Кн.10. С.46.

^{**} Богданович М.И. Указ. соч. С.471-472.

⁴⁷ М.И. Кутузов: Сборник документов ... Т.4. Ч.2. С.3-7.

⁸⁸ Глинка Ф.Н. Сражение при Тарутино ... Кн.10. С.45; М.И. Кутузов: Сборник документов ... Т.4. Ч.2. С.3.

^{**} Глинка Ф.Н. Сражение при Тарутино ... Кн.10. С.45; М.И. Кутузов. Сборник документов ... Т.4. Ч.2. С.3.

⁹⁰ Богданович М.И. Указ. соч. С.471.

корпус становиться в две линии»⁹³). При этом, 6-й, 7-й и 8-й корпуса занимали первую линию, а за ними, в резерве, 5-й корпус. За пехотой назначалось место двум кирасирским дивизиям. 6-му корпусу предписывалось перейти правый мост при Тарутино и следовать по дороге, ведущей к лесу, расположенному на правом фланге русских войск, где он «останавливается скрытно». Находящиеся в авангарде 2-й, 3-й и 4-й кавалерийские корпуса, назначенные в команду Корфа, должны были до рассвета приблизиться к цепи ведетов.

Колоннам правого фланга назначалось следовать позади цепи ведетов, «составляя лес занятый неприятелем влево».⁹⁴ Пройдя 1,5 версты 4-й корпус должен был повернуть налево и, подойдя к цепи, остановиться в дивизионной колонне. 2-й, 3-й корпуса и кавалерийская колонна, обойдя главную часть леса, поворачивали налево у деревни Хоросино. При этом Орлову-Денисову предписывалось «обходить еще далее лес», имея во главе колонны приданный ей 20-й егерский полк.

Относительно егерей в диспозиции было сделано следующее замечание: «Все егерские полки, находящиеся при корпусах, идут в голове колонн, рассыпаются с резервами перед колоннами не прежде, пока к лесу не дойдут, и то без барабанного боя и команды, дабы неприятель не открыл нашего приближения на левый его фланг. Егеря, войдя в лес, если случилось, что неприятель, открыв их, даст знать о сем выстрелом, тогда не стрелять по нем, а стараться бегом овладеть совершенно всем лесом, которого глубина не более половины версты, и достигнув внешней опушки леса, останавливаются и ожидают прибытия голов колонн, которые подойдя к егерям, выходят под прикрытием оных из лесу и выводят головы полковых колонн влево. Егеря должны сие движение колонн прикрывать, и для того иметь непременно резервы, дабы усиливать цепь и удалять сколь можно неприятеля».⁹⁵

6-й, 7-й, 8-й и 5-й корпуса к рассвету должны были приблизиться к передовой цепи, имея впереди себя 2-й, 3-й и 4-й кавалерийские корпуса. Всем войскам предписывалось занять свои места к четырем часам утра. Время атаки в диспозиции, присланной Милорадовичу, было назначено на шесть часов, а в плане Остермана-Толстого – на пять часов. Действия против неприятеля должны были начаться с правого фланга. Остальным войскам предписывалось вступать в бой после соответствующего сигнала – «три сряду сделанные выстрелы на правом фланге при 2 и 3-м корпусах».⁹⁶ После этого, вся кавалерия, исключая кирасир, должна была пойти

Г. Доу. Генерал-майор В.В. Орлов-Денисов.

в атаку на неприятеля, а за ней назначалось скрым шагом следовать пехотным колоннам. При этом расположенный на правом фланге 7-го – 6-й корпус, продвигаясь около леса, должен был занять его егерями и, тем самым, открыть связь с 4-м корпусом правого фланга. «По мере наступления сближаются все части, через что и создается общая связь между ними».⁹⁷ Расположение артиллерии в бою представлялось распоряжению корпусным командирам. В резерв колонн правого фланга назначался 3-й корпус, а левого – 5-й. В диспозиции подчеркивалось, что «все движения должны быть быстры и без всякого шума, действовать более холодным ружьем, а ружейной стрельбою много не заниматься».⁹⁸

Правый фланг, состоящий из 2-го, 3-го и 4-го пехотных корпусов и кавалерийской колонны Орлова-Денисова, поручался в командование Беннигсену. Войска левого фланга – 7-й, 8-й, 5-й пехотные, 2-й, 3-й, 4-й кавалерийские корпуса и две кирасирские дивизии – Милорадовичу. Командир занимавшего центр 6-го пехотного корпуса Д.С. Дохтуров должен был по мере наступления соединиться с 4-м корпусом и принять его под свою команду. Командование всей кавалерией поручалось Уварову. В диспозиции указывалось, что главнокомандующий будет находиться при войсках левого фланга.

В лагере назначалось оставить большое число музыкантов и барабанщиков, которые должны в надлежащее время бить зарю. «Огни раскладывать не более и не менее обычного, шалаши оставить и отнюдь не жечь, в противном случае останется сие на ответственности корпусных и дивизионных командиров».⁹⁹ Для выполнения этого требования предписывалось оставить в лагере от каждой роты по унтер-офицеру с

⁹³ Богданович М.И. Указ. соч. С.472.

⁹⁴ Глинка Ф.Н. Сражение при Тарутино ... Кн.10. С.46.

⁹⁵ Глинка Ф.Н. Сражение при Тарутино ... Кн.10. С.47; Богданович М.И. Указ. соч. С.473; М.И. Кутузов: Сборник документов ... Т.4. Ч.2. С.5.

⁹⁶ Глинка Ф.Н. Сражение при Тарутино ... Кн.10. С.48.

трех рядовыми, а от каждого полка – офицера.

В заключении диспозиции давались указания относительно расположения артиллерии и движения отдельных частей. Батарейные и легкие артиллерийские роты, оставшиеся от 2-го, 3-го и 4-го корпусов, должны были перейти Нару возле Спасского и оставаться в резерве у переправы. Конная артиллерия переправляется возле Тарутина и становится в резерве за кирасирами, отделив, при этом, две роты к кавалерийским корпусам левого фланга. Другие, принадлежащие корпусам, артиллерийские роты и обозы должны были оставаться в лагере.

В диспозиции особо подчеркивалось, что полки 1-го кавалерийского корпуса с полу-ротой конной артиллерии должны выступить в семь часов вечера к Спасскому на соединение с войсками Орлова-Денисова, перейдя Нару при Сухоносове. Всем егерским полкам, за исключением 4-го егерского, находившимся на правом и левом флангах, предписывалось к пяти часам вечера присоединиться к своим дивизиям, оставив в целости свои шалаши. Диспозиция заканчивалась указанием на то, что «огней во время марша на привале отнюдь войскам не раскладывать и даже не позволяет курить трубки».¹⁰⁰

Таким образом, предложенная Беннигсеном, подготовленная Толем и одобренная Кутузовым диспозиция атаки неприятельского авангарда подразумевала обход слабого левого фланга противника с одновременным нанесением мощного фронтального удара на его центр. В атаке должны были быть задействованы практически все силы русской армии. Неожиданность нападения и численное превосходство могли привести к крупной победе, результатом которой должно было стать окружение и уничтожение всего отряда Мюратта. Содержащееся в диспозиции категорическое запрещение уничтожать шалаши указывало на то, что после атаки неприятеля планировалось вернуть русские войска в Тарутинский лагерь. Так как эта позиция противоречила взглядам Беннигсена, можно предположить, что распоряжение о сохранение лагеря исходило от главнокомандующего. Следовательно, несмотря на хорошо спланированную атаку авангарда, перед русской армией ставилась ограниченная задача, связанная только с нанесением удара по отряду противника. Дальнейшие распоряжения зависели от Кутузова, который не желал переходить к активным наступательным действиям, что нашло отражение в диспозиции и особенно ярко проявилось при ее исполнении.

(Окончание следует).

⁹⁷ Глинка Ф.Н. Сражение при Тарутино ... Кн.10. С.49; Богданович М.И. Указ. соч. С.474; М.И. Кутузов: Сборник документов ... Т.4. Ч.2. С.6.

⁹⁸ Глинка Ф.Н. Сражение при Тарутино ... Кн.10. С.50; Богданович М.И. Указ. соч. С.475; М.И. Кутузов: Сборник документов ... Т.4. Ч.2. С.7.

Тарутинское сражение

к.и.н. В.А. Бессонов

(продолжение, начало в № 10)

Диспозиция к атаке была отправлена 4 октября вместе с приказанием исполнявшего обязанности начальника штаба Л.Л. Беннигсен начальнику штаба 1-й армии А.П. Ермолову за № 153¹. В нем сообщались повеления М.И. Кутузова «для приведения оных в исполнение». От начальника штаба 1-й армии требовалось подготовить армию 4 октября в 6 часов вечера к выступлению. Все содержащиеся в приказании распоряжения в точности повторяли содержание отдельных пунктов диспозиции, дополняя их лишь сведениями о квартирмейстерских офицерах, которые должны были явиться в «надлежащее время» к корпусным командирам.

Однако доставить эти документы по назначению своевременно не удалось. В то время, когда начальника штаба 1-й армии разыскивал посланный ординарец², Ермолов находился в гостях у генерал-майора Д.Д. Шепелева³. Ординарец Кутузова А.Б.-Голицын свидетельствует, что Шепелев собрал гостей в селе Спасском⁴, расположенным за правым флангом русских позиций на правом берегу р. Нары примерно в 7 км от села Тарутино.

«Возвращаясь, — пишет Д.В. Давыдов, — в девятом часу вечера в свою деревушку, Ермолов получил через ординарца князя Кутузова, офицера кавалергардского полка, письменное приказание собрать к следующему утру всю армию для наступления против неприятеля. Ермолов спросил ординарца, почему это приказание доставлено ему так поздно, на что он отозвался незнанием, где находился начальник главного штаба»⁵. Следовательно, опираясь на сведения, сообщенные Давыдову Ермоловым, можно предположить, что начальник штаба 1-й армии получил подписанное Беннигсеном приказание главнокомандующего спустя два часа после того, как назначенное на 6 часов вечера время готовности армии к выступлению уже истекло. Поэтому не удивительно, что выехавший из Леташевки в восьмом часу вечера Кутузов по прибытии в Тарутино обнаружил войска не подготовленными к намеченному ночному движению⁶. В предписании Ермолову от 5 октября, о расследовании причин позднего доставления приказа, главнокомандующий писал, что по прибытии в Тарутино «к удивлению моему, узнал от корпусных там собравшихся господ начальников, что никто из них приказа даже и в 8 часов вечера не получал, кроме тех войск, к коим сам г. генерал от кавалерии барон Беннигсен прибыл и им оный объявил, как-то ко второму и четвертому корпусам; к тому же начальствующие кавалеристы г.г. генерал-лейтенанты Уваров и к[нязь] Голицын объявили, что, не получив заранее приказания, много кавалерии послали за фуражем, что и с артиллерию было, и я, ехав в Тарутино, повстречал артиллерийских лошадей, веденных на водопой»⁷. Сии причины, к прискорбию моему, понудили

отложить намерение наше атаковать сего числа неприятеля, что должно было быть произведено на рассвете, и все сие произошло от того, что приказ весьма поздно доставлен был к войскам»⁸.

Несвоевременное получение Ермоловым приказа было названо главной причиной, повлиявшей на срыв намеченной на утро 5 октября атаки. В Главной квартире Кутузова вся ответственность за неисполнение намеченного плана сражения была возложена исключительно на начальника штаба 1-й армии. Это нашло отражение также в воспоминаниях находившихся при штабе главнокомандующего офицеров⁹. Однако не все свидетели событий были столь единодушны. Так, например, находившийся при М.А. Милорадовиче поручик лейб-гвардии Конно-ариллерийской роты П.Х. Граббе случившееся происшествие оценил следующим образом: «Странно это обстоятельство, но не одно оно указывало уже на присутствие новых страстей и побуждений, недостойных святыни Отечественной войны»¹⁰.

Необходимость доставлять приказы заблаговременно была обусловлена самой системой управления войсками. Согласно «Учреждению для управления большой действующей армией» начальник штаба «объявляет через дежурного генерала пароли, лозунги, отзывы, сигналы, приказы главнокомандующего, и наблюдает за точным их выполнением», при этом «он все дела свои приводит в исполнение посредством других; сам же занимается только важнейшими работами, которые должны оставаться в тайне». Соответственно в обязанности дежурного генерала входило «отдавать войскам пароль, лозунг, отзыв, сигналы, наряды, дневные приказы и диспозиции к бою»¹¹. Следовательно, получив приказ главнокомандующего, Ермолов, как начальник штаба 1-й ар-

мии, должен был предписать своему дежурному генералу П.А. Кикину довести соответствующие распоряжения до сведения армии.

Вместе с тем, в Тарутинском лагере определенный «Учреждением» порядок управления войсками не действовал. Кутузов, принял на себя командование 1-й армией, имел свое Дежурство под руководством П.П. Коновницына, который фактически исполнял обязанности начальника штаба и осуществлял управление войсками. В период движения от Красной Пахры к Тарутино он подписывал диспозиции к переходам и, соответственно, распоряжался их доставлением¹². Поэтому, согласно сформированной Кутузовым системе управления, повеление главнокомандующего об атаке отряда Мюра и диспозиция к сражению должны были быть доставлены войскам через дежурного генерала Коновницына. Однако вместо этого 4 октября понадобилось обращаться к помощи начальника штаба 1-й армии, отдавшегося уже от Главной квартиры Кутузова. В Тарутинском лагере Ермолов, по собственным словам, «к фельдмаршалу явился не иначе, как по его приказанию; с Коновницким видался нередко, но чаще переписывался, отталкивая поручения его, которые я не имел обязанности исполнять»¹³. Следовательно, в данной ситуации поручение Ермолову подготовить войска к выступлению выглядит более чем странным. Можно предположить, что Кутузов, не разделявший желания Беннигсена открыть боевые действия, устранился от активного участия в организации атаки и сознательно не вверил решение этого вопроса своему ближайшему помощнику – Коновницкому.

Вместе с тем приказание Ермолову должно было быть доставлено через Дежурство главнокомандующего, где оно, вероятно, и было задержано. Именно этим можно объяснить тот факт, что Ермолов получил документы только в девятом часу вечера. Причины не своевременной отправки ординарца могли быть связаны с тем, что 4 октября особое внимание Кутузов уделял не подготовке атаки, а выяснению положения войск противника. С одной стороны главнокомандующий был извещен партизанами об отступлении неприятеля, а с другой – о концентрации его к Воронову¹⁴. Для проверки сведений о находившихся в Воронове войсках Кутузов через Коновницкого дал А.С. Фигнеру соответствующее повеление, которое не было зафиксировано в Журнале исходящих бумаг. 4 октября Фигнер сообщил, что «армия неприятельская стоит на прежнем месте в 15 верстах от Воронова к Калуге»¹⁵. После получения этих данных главнокомандующий мог представить реальную картину положения неприятельского авангарда. Достоверность ее основывалась не на показаниях пленных и жителей, а на сведениях, собранных Фигнером непосредственно в ла-

Генерал-лейтенант А.П. Ермолов
(1777-1861).

Принц Евгений Вюртембергский (1788-1858).

геру противника. Можно предположить, что только после доставления рапорта Фигнера в Главную квартиру был возобновлен процесс подготовки атаки неприятеля. Однако, необходимое на подготовку войск время было упущено. Вероятно, Кутузов знал об этом. По крайней мере, главнокомандующий достаточно быстро разобрался в Тарутино со сложившейся ситуацией и отменил атаку. Так, он выехал из Леташевки в 8-м часу вечера, а в 9-м часу Беннигсен уже получил от Кутузова уведомление об остановке движения войск¹⁶. В связи с этим поездка в Тарутино больше походит на предпринятое главнокомандующим демонстрацию своей заинтересованности в атаке неприятеля, которую он был вынужден отменить вследствие неготовности войск к выступлению.

О том, что в Главной квартире еще до отъезда Кутузова в Тарутино уже не предполагали проводить атаку 5 октября, говорит и тот факт, что приказ, зарегистрированный 4 октября в Журнале исходящих бумаг под № 155 о подготовке войск к наступлению, не был отправлен войскам вовремя. В этом приказе говорилось: «По случаю движения, которое неприятель может сего дня противу нас предпринять, людям в лагере варить каши ранее и команд для фуражирования не посыпать»¹⁷. Упоминание о предстоящем наступлении в приказе было сделано для сохранения в тайне готовящейся атаки, так как в это время в Главной квартире уже располагали полученными от Фигнера сведениями о положении неприятеля. Этот приказ был препровожден Ермолову для рассылки корпусным начальникам приказанием за № 156, уже после отмены наступления. Это произошло, вероятно, в Леташевке, куда начальник штаба 1-й армии отправился, получив запоздалое приказание о подготовке войск к атаке¹⁸. В новом, подписанным Коновницким, приказании за № 156 говорилось, что «атака на неприятеля, которая должна была завтра предприняться, отменяется по случаю позднего получения

ния корпусными начальниками приказа, о чем извещая вас, прилагаемый у него приказ (№ 155 – В.Б.) покорнейше прошу ваше превосходительство завтра в 5 часов утра разослать к г.г. корпусным начальникам»¹⁹. Следовательно, только вечером 4 октября Дежурство главнокомандующего смогло заранее предупредить Ермолова о подготовке русских войск к наступлению, которое было уже перенесено на 6 октября.

В тот же день, 4 октября, в Журнале исходящих бумаг было зарегистрировано под № 157 еще одно подписанное Коновницким приказание Ермолову, отправленное к нему 5 числа. В нем конкретизировалось содержание приказа за № 155. От начальника штаба 1-й армии требовалось сообщить корпусным командирам, чтобы они находились у своих войск в 5 часов вечера, а «в 4 часа должна быть каша съедена и все люди налико находиться имеют»²⁰. При этом, на посланном Ермолову подлиннике документа сохранилась пометка об исполнении: «послано во все корпуса», а в Журнале исходящих бумаг штаба Кутузова – «приказы лично отданы». Такие формулировки позволяют предположить, что подготовка назначенно го на 6 октября наступления шла параллельно и со стороны Дежурства главнокомандующего и со стороны Дежурства 1-й армии, что позволило, в конечном счете, организовать нападение на авангард Мюра.

Анализ делопроизводственных документов и воспоминаний участников событий позволяет предположить, что 4 октября Кутузов, как главнокомандующий, не проявил должной активности при подготовке войск к наступлению. Имея противоречивые сведения о положении неприятеля, он затормозил выполнение соответствующих распоряжений. В этом случае предосторожность Кутузова, возможно, была оправдана. Однако опасения о концентрации противника в Вороново не подтвердились, и он возобновил подготовку к атаке, которая из-за потери времени не могла уже быть вовремя организована. При этом, Кутузов, несмотря на созданную им систему управления армией, поручил Ермолову привести войска в готовность и, тем самым, возложил на него вину за несвоевременное получение приказов корпусными командирами. Этим он сумел снять всякую ответственность с себя и дежурного генерала Коновницкого, который фактически занимался управлением войсками. Следовательно, Кутузов своими действиями мало способствовал организации нападения, что, в конечном счете, повлияло не перенос наступления, отменить которое совсем без ущерба для репутации у него не было веских причин.

Несмотря на то, что уже вечером 4 октября были отданы соответствующие распоряжения о подготовке атаки, Кутузов на следующий день, возможно, еще решал вопрос о ее необходимости. По словам Беннигсена 5 октября он снова сделал представление Кутузову о возобновлении боевых действий, после которого главнокомандующий согласился на наступление²¹.

Колебания Кутузова о проведении атаки 6 октября могли быть связаны с поступившими 5 числа от А.Н. Сеславина данными о переходе неприятельского отряда (4 кавалерийских полка, 2 батальона пехоты, 8 орудий и обоз около 350 «повозок с оружием и разными тряпками») под командованием дивизионного генерала Ф.А. Орнано из Вязем на Боровскую дорогу. В рапорте Коновницкому от 4 октября Саславин писал, что противник, по его данным, двигался в Саксонию на формирование через Фоминское, Верую и Смоленск, а также сообщал об удачной атаке неприятельского обоза²². Еще до получения этого рапорта в Главной квартире знали о движении противника к Фоминскому из рапорта И.С. Дорохова от 5 октября за № 53, которого известил об этом Сеславин²³. На основании сообщения Дорохова для выяснения обстановки к Фоминскому была послана сильная партия от казачьих полков Ягодина 2-го и Кутейникова, которая, как писал Милорадович 5 октября Коновницкому

Генерал-лейтенант К.Ф. Багратион (1761-1812).

и, «неприятеля в с. Фоминском уже не нашла, но узнала от жителей, что неприятель там был и имел некоторую перепалку с нашей партией, после которой возвратился назад»²⁴. Следовательно, полученные Кутузовым новые сведения свидетельствовали о предпринятом неприятелем перемещении небольшого числа войск. Это движение не могло угрожать главным силам русской армии. Поэтому серьезных препятствий для нанесения удара по отряду Мюра у главнокомандующего не было, и подготовка к атаке была продолжена. Тогда, вероятно, и было отправлено приказание Дорохову, зафиксированное 5 октября в Журнале исходящих бумаг под № 158 (других распоряжений в этот день по Журналу не проходило)²⁵. В нем было предложено ударить в тыл неприятеля. Вместе с тем, учитывая представленные Сеславином сведения, решение о нападении на Вороново было оставлено за Дороховым²⁶.

В эти дни в стоявшем против русской ар-

ми неприятельском отряде не принимались какие-либо особые меры предосторожности, хотя на случай внезапного ночного нападения в лагере существовал специальный заведенный порядок службы. Так, например, во 2-м кавалерийском корпусе войска занимались за два часа до рассвета и оставались в боевой готовности пока не взойдет солнце. В это время во все стороны посыпались разъезды, и если вокруг все оставалось спокойным, то солдаты спешились и приступали к уходу за лошадьми²⁷. Подобная система, когда окружавшая лагерь цепь аванпостов имела за собой готовые вступить в бой войска, была, вероятно, характерна для всех частей стоявших в первой линии неприятельского отряда. Согласно заведенному порядку ближе к полуночи лагерь покидали крупные партии фуражиров. Неслучайно, X. Роос писал, что «если бы русские вместо рассвета явились часов в 10 или 12, когда основное ядро наших войск отправлялось вооруженное и с пушками на фуражировку, то они могли бы захватить наш лагерь, не прибегая к оружию»²⁸. Существовавший в отряде Мюрана порядок службы, возможно, не был известен русскому командованию, поэтому атаку планировали предпринять на рассвете, ожидая застигнуть неприятеля врасплох.

Приняв окончательное решение об атаке неприятельского отряда, главнокомандующий, не проявивший до этого достаточной активности в подготовке нападения, лично приступил к его реализации. Вечером 5 октября, Кутузов произвел рекогносировка неприятельской позиции. «В этот момент, — пишет адъютант главнокомандующего В.И. Левенштерн, — над его головой закружился громадный орел, которого испугала молния, сверкавшая на небе, хотя грома не было слышно»²⁹. В ходе проведенной рекогносировки Кутузов мог составить собственное мнение о предстоящем нападении на отряд Мюрана и, возможно, уже тогда наметил для себя последовательность действия войск в сражении.

Русские войска начали выступать из лагеря 5 октября около 7 часов вечера. Как отмечает поручик лейб-гвардии Измайловского полка Л.А. Симанский, 5-й корпус начал движение в 10 часов, но «пройдя несколько шагов мы остановились за проходом 3-го корпуса»³⁰. Следовательно, в течение нескольких часов части покидали Тарутинский лагерь, двигаясь к назначенным им для атаки местам. Через реку Нару назначенные в обход войска переправились только в полночь³¹.

Выдвижение частей правого фланга осуществлялось тремя колоннами. Первая состояла из 10-и казачьих полков под командованием В.В. Орлова-Денисова³², 20-го егерского полка, Донской конно-артиллерийской роты №2, шести орудий роты конной артиллерии №2 и четырех полков 1-го кавалерийского корпуса (лейб-гвардии Гусарский, Уланский, Драгунский и Нежинский драгунский). В авангарде второй колонны находилась егерская бригада полковника Е.М. Пиль-

лара (4-й и 48-й егерские полки) с 4 орудиями легкой роты №8, затем следовал 2-й и 3-й пехотные корпуса, орудия пехотных полков, одна легкая и по две батарейных и конно-артиллерийских роты. Третья колонна состояла из 4-го пехотного корпуса, полки которого шли с приданный им артиллерией, и батарейной роты №23. Вслед за обходными колоннами следовали войска, назначенные для действий в центре и на левом фланге. Одну колонну составлял 6-й пехотный корпус с легкой и батарейной ротами. Вторую — 7-й и 8-й корпуса, при двух легких и батарейных ротах. Последними двигались части, назначенные в резерв — 5-й пехотный корпус, 1-я и 2-я кирасирские дивизии, а также резервная артиллерия. Авантюрист под командованием Милорадовича оставался на прежнем месте. Он состоял из нескольких батальонов егерей, 2-го, 3-го и 4-го кавалерийских корпусов³³, казачьих полков, 8 орудий Донской конно-артиллерийской роты и двух рот конной артиллерии, которые по диспо-

зитации конкретных приказов отдельным начальникам, которые могли производиться и в устной форме³⁴. Необходимо также отметить, что распределение войск и особенно артиллерии не могло происходить без ведома главнокомандующего, который должен был санкционировать все эти отступления от диспозиции. Тогда же, возможно, произошло и изменение стоявших перед войсками задач. Находившийся при 4-м кавалерийском корпусе подпоручик квартирмейстерской части Д.П. Бутурлин в своих воспоминаниях отмечал: «Мы имели приказание произвести фальшивые атаки в момент, когда начнется настоящая, с целью отвлечь внимание неприятеля, а когда он начнет отступать, то следовать за ним, не завязывая с своей стороны серьезного дела»³⁵. Это свидетельство позволяет предположить, что по новому плану войскам левого фланга и центра отводилась вспомогательная роль, а основной удар должны были совершить части подчиненные Беннигсену. Тем самым отменялся преду-

А. Лалозе. Тревога на биваке французской легкой кавалерии, 1812 г.

зиции должны были быть приданы кавалерийским корпусам. Кроме того, был сформирован отдельный отряд, находившийся под командованием прикомандированного к авангарду генерал-лейтенанта С.Н. Долгорукова, в составе двух гренадерских и трех егерских полков³⁴. В него, вероятно, входили и егера, находившиеся при авангарде. Возможно, этот отряд состоял из полков 7-го и 8-го пехотных корпусов: одной бригады 2-й гренадерской дивизии, 5-го, 6-го и 49-го егерских полков. Среди назначенных для действия против неприятеля войск был, вероятно, и 1-й конный казачий полк Тульского ополчения. 4 сотни этого полка были направлены в начале октября к авангарду «не на службу, а для навычки с старыми казаками», а остальные 5 сотен оставались в ведении начальника кавалерии Уварова³⁵.

Можно заметить, что фактическое распределение сил перед атакой не совпадало с утвержденной диспозицией: изменился состав приданный корпусам артиллерией, появился отдельный отряд под командованием Долгорукова. Следовательно, в принятый ранее план были внесены изменения, которые не нашли отражения в документах Главной квартиры. Вероятно, они проводились путем от-

метренной диспозицией обход левого фланга противника с одновременным нанесением мощного фронтального удара на его центр. Возможно, в свете этих перемен и был создан для поддержки кавалерии отряд Долгорукова. Таким образом, к началу атаки уже произошло отступление от утвержденно главнокомандующим и доставленной, в конце концов, к войскам диспозиции, буквальное исполнение которой, как видно, не входило в планы Кутузова.

Ночное выдвижение войск осуществлялось с соблюдением принятых в диспозиции мер предосторожности, что позволило скрыто приблизиться к неприятельскому лагерю. Однако только центральные и левофланговые колонны, несмотря на встретившиеся во время переправы затруднения, достигли назначенных им мест своевременно и могли спокойно отдохнуть, дожидаясь рассвета. Иначе обстояло дело с войсками правого фланга. Они двигались в течение почти всей ночи и не все корпуса сумели заблаговременно прибыть к назначенным пунктам.

По диспозиции войска должны были занять свои места к 4 часам утра и на рассвете нанести удар по лагерю противника. 4-й корпус, как свидетельствует поручик 11-й ар-

тиллериейской бригады И.Т. Радожицкий, прибыл на исходную позицию к назначенному времени и «тут с час времени стояли мы в штабах, покуда правее нас прошли 2-й и 3-й корпуса, опоздавшие по ошибке проводника»³⁸. Вместе с тем, командующий 4-й пехотной дивизией 2-го корпуса Евгений Вюртембергский в своих воспоминаниях отмечал, что «противоречие в приказах замедлило начальник марша 2-го корпуса, и он только тогда достиг назначенного ему места, когда уже совершенно рассвело. 4-й корпус еще не приходил; надобно было его дожидаться»³⁹.

Учитывая то обстоятельство, что 4-й корпус, располагавшийся на левом фланге отряда Беннигсена, должен был пройти наименьшее, по сравнению с другими колоннами, расстояние и опираясь на свидетельство находившегося при нем офицера, можно предположить реальную возможность своевременного прибытия этого корпуса на исходную позицию. В то же время непосредственные участники событий подтверждают, что 2-й и 3-й корпуса не сумели вовремя занять свои места.

Согласно «Учреждению для управления большой действующей армией» «переходы и движения войску» относились к ведению 2-го отделения квартирмейстерской части⁴⁰. Поэтому, еще 4 октября для выдвижения колонн из лагеря были специально назначены квартирмейстерские офицеры. При этом движение войск к исходной позиции происходило при непосредственном участии К.Ф. Толя, исполнявшего должность генерал-квартирмейстера⁴¹. Следовательно, на него и возглавляемую им квартирмейстерскую часть в первую очередь ложится ответственность за несвоевременное прибытие к своим местам корпусов, назначенных для обхода левого фланга противника.

К назначенному в диспозиции времени, по всей видимости, прибыла и кавалерийская колонна под командованием Орлова-Денисова. Она расположилась у опушки леса на тропинке, ведущей из села Стремилова в деревню Дмитровскую. А.И. Михайловский-Данилевский, использовавший, вероятно, полученные от Орлова-Денисова сведения, в своем «Описании Отечественной войны 1812 г.» рассказывал о следующем происшествии. Перед рассветом к Орлову-Денисову явился польскийunter-офицер с предложением: «если дадут ему конвой, схватить Мюрута, ночевавшего, по его уверению, в деревне позади лагеря, с незначительным караулом. Сто червонцев при успехе, смерть в случае обмана, обещаны переметчику»⁴². С ним был направлен подполковник Т.Д. Греков 18-й с двумя казачьими полками: своего имени и Атаманским. Однако с началом рассвета, когда Орлов-Денисов, выехав из леса на возвышенность, не обнаружил наступающих русских войск, а напротив, увидел оживление в неприятельском лагере, он отдал приказ вернуть Грекова и приготовился к атаке.

Беннигсен со своим штабом покинул место ночлега в 4 часа утра. Как записал в своем

причиной того, что мы несколько раз сбивались с дороги и едва не наткнулись на неприятельские аванпосты»⁴³. Только на утренней заре Беннигсен со своим окружением прибыл ко 2-му корпусу и присоединился к авангардной бригаде Пиллара. «В 6 часов утра, — уточняет Дурново, — мы вышли к аванпостам неприятеля»⁴⁴. Следовательно, к этому времени егеря 2-го корпуса уже были готовы вступить в действие, хотя, вероятно, выдвижение на исходные позиции остальных частей 2-го и 3-го корпусов еще не было закончено.

В это время, когда уже начался рассвет, к командиру 2-го корпуса К.Ф. Багговуту подъехал Толь, который выразил свое неудовольствие по поводу случившегося замедления в выдвижении войск. Евгений Вюртембергский вспоминал, что Толь «вспылил на меня, и спрашивал, почему я опоздал. Это раздражило несколько и меня; в свою очередь я стал приписывать причину неудачи прямо ему и тем противоречиям, поводом к которым служили его собственные распоряжения». Однако, продолжает мемуарист, у него и раньше происходили подобные сцены с Толем, которого ему всегда удавалось убеждать в его неправоте. Поэтому «и теперь принимал я горячность его больше с шуточной стороны. Но Багговут, услыхав одно необдуманное слово, вырвавшееся против меня у Толя, почти вышел из себя, и это было тем удивительнее, что он, всегда кроткий, всегда любезный, может быть великодушно извинил бы обиду, нанесенную ему самому. Такое необыкновенное в Багговуте явление, которое впрочем объясняется пристыжью ко мне, изумило всех присутствующих». По словам Вюртембергского ему удалось «несколько успокоить Багговута; к тому же и Толь успокоился»⁴⁵.

Междуд собой они начали обсуждать возможность внесения изменений в принятую диспозицию. Это было связано тем, что 2-й корпус должен был до начала рассвета атаковать расположенную у Тетеринки, примерно в 1 км от леса, 14-пушечную польскую батарею в одной колонне, составленной из 18 батальонов (по 2 батальона Тобольского, Минского, Волынского, Кременчугского, Рязанского, Брестского, Белозерского пехотных и 4-го, 48-го егерских полков). Однако стало светать, и такой порядок атаки посчитали нецелесообразным. Как свидетельствует Е. Вюртембергский, он предложил атаковать батарею не одной, а тремя колоннами, оставив егерскую бригаду Пиллара в центре, а 4-ю и 17-ю пехотные дивизии выдвинуть вправо и влево от нее. «Корпусной командир, — пишет Вюртембергский, — согласился с моим мнением; полковник Толь, от имени главнокомандующего, также изъявил согласие. Сопровождаемый Толем, я немедленно взял Тобольский пехотный полк, и поспешил к месту нового своего расположения, чтобы определить таким образом дирекцию для двух других колонн, Багговута и Олсуфьева»⁴⁶.

После разговора с Толем Багговут при

жаление духа». Он сказал Вюртембергскому: «Распорядитесь по вашему усмотрению, а я останусь здесь, при егерах: они на моих глазах выросли, пусть же и умирают со мной. Я первый на неприятельской батарее!»⁴⁷ На просьбу Е. Вюртембергского не рисковать своей жизнью Багговут пожал ему руку и сообщил, что у него есть предчувствие.

Описанные Вюртембергским события происходили, как видно, без участия Беннигсена. Пользуясь именем главнокомандующего, Толь одобрил новый план, даже не узнав мнение человека, которому он подчинялся по службе и которому по диспозиции было поручено командование войсками правого фланга. Таким образом, без ведома Беннигсена еще до начала наступления в действия 2-го корпуса были внесены корректировки, о которых он, возможно, узнал от Багговута. С последним, по воспоминаниям М.М. Евреинова, Беннигсен разговаривал за четверть часа до начала наступления⁴⁸. Основываясь на дальнейшем развитии событий, можно предположить, что решение, принятое за спиной Беннигсена, не было им поддержано.

С рассветом подняли войска, расположавшиеся в центре и на левом фланге. «Мы, — пишет Симанский, — были в ожидании услышать уже канонаду и атаку на неприятеля, и пошли колоть, но уже показывался день и ничего не было слышно». Примерно в это время мимо гвардейских полков проехал со своим окружением главнокомандующий.⁴⁹

Таким образом, к восходу солнца⁵⁰ войска были готовы начать наступление.

В то время, когда русская армия готовилась к атаке, в отряде Мюра царило полное спокойствие. Накануне, 5 октября, к войскам прибыл из Москвы долгожданный обоз с продовольствием и жалованьем, появление которого нарушило обычное течение лагерной жизни. По свидетельству находившегося при штабе легкой кавалерийской дивизии польского корпуса К.-И. Колачковского в тот же день войска получили провиант и водку. «Во французских лагерях изголодавшиеся солдаты набросились на припасы и пьянизовали целую ночь напролет. Даже многие офицеры, забыв о службе, провели все ночь в беседе и утром были почти совершенно не способны к исполнению своих обязанностей. Особенно во 2-м корпусе Себастьяни, где забыли о всякой осторожности и не выслали даже, как обыкновенно, утренних разъездов». «У нас же, — пишет Колачковский, — совершенно наоборот. Уже с трех часов утра вся кавалерия стояла с взнужденными лошадьми, ожидая возвращения разъездов; пехота под ружьем, артиллерия у орудий»⁵¹. Это описание царивших во «французских лагерях» беспорядков кажется несколько преувеличенным. Так, Роос в своих воспоминаниях указывал, что накануне атаки в 3-м вюртембергском конно-егерском полку после полуночи, как это было заявлено, кони стояли взнужденными.⁵² Что касается 4-й дивизии тяжелой кавалерии, то выдача провианта началась в ней только утром 6 октября⁵³. Поэтому, можно предположить, что обычные меры предосторожности

сти (насколько это было возможно после про- исходившего накануне пира) были неприя- тельским войсками принятые. Однако послан- ные разъезды не смогли обнаружить затаив- шихся почти у самой неприятельской цепи русских войск и в лагере Мюра готовились встретить еще один мирный день.

«Часов в 6 утра, — вспоминал Колачковский, — все было тихо. Наша кавалерия начала разнудывать коней, пехота составила ружья в козлы и собиралась готовить утром завтрак, как внезапно из лежащего против нас леса прозвучало несколько пушечных выстrelов. День еще чуть брезжил».⁵⁴

Перед восходом солнца, ближе к 7 часам утра, русские войска устремились в атаку. Беннигсен приказал командиру 4 орудий легкой роты №8 при выходе из леса дать залп, а Пиллару вывести на открытый участок егерей и прикрыть ими орудия. Выстрелы артиллерии должны были быть знаком для отряда Орлова-Денисова к обходу левого фланга неприятеля и, одновременно, сигналом 4-му пехотному корпусу начать движение к выходу из леса на соединение с 6-м корпусом Д.С. Дохтурова⁵⁵.

В своих записках Беннигсен пишет, что не- сколько состоявших при нем офицеров, «дви- жимые нетерпением», выехали на опушку леса и были замечены неприятельскими ве- детами, которые, подняв тревогу сделали три выстрела из орудий, раньше, чем рус- ские артиллеристы успели выйти из леса. «Это, — пишет Беннигсен, — оказалось вы- годным для нас, так как наши колонны при-няли эти выстрелы за условный сигнал, ко- торый мы должны были дать со своей сторо- ны»⁵⁶. Описание этого происшествия не встречается у других очевидцев, но, как бы то ни было, выступившие под прикрытием егерской бригады из леса орудия русской артиллерии открыли огонь по неприятель- скому лагерю. Одна из гранат упала в распо-ложение 3-го вюртембергского конно-егер- ского полка и разорвалась вблизи Рооса, не причинив вреда.⁵⁷ Другое ядро убило ло-шадь в запряжке фургона, стоявшего ря-дом с палаткой командира 2-го карабинер- ского полка.⁵⁸

Примерно в то же время, когда части 2-го корпуса вступили в бой, на левый фланг не- приятеля обрушилась кавалерийская колон-на. Не дождавшись сигнала к атаке и опасаясь быть обнаруженным, Орлов-Денисов выдвинул свои полки из леса и устремился на лагерь противника.⁵⁹ Это позволило ему, преодолев расстояние примерно в 3 км, на-пасть на отряд Мюра почти одновременно с пехотными колоннами правого фланга.

В лагере, на левом фланге противника начались паника. С фронта вела огонь артил-лерия, а с тыла и флангов насыдали казаки, рассыпавшиеся на пространстве между ре-кой Чернишней и ручьем Десенка. Стояв-шие на левой стороне ручья части 2-го ре-зервного кавалерийского корпуса О.Ф. Се-бастьянини (2-я легкая и 2-я тяжелая дивизии) начали отступление к польским войскам. Об этом движении Роос писал: «Быстро сели мы

на коней, которые после полуночи всегда сто-яли у нас взнуданными; оглянувшись мы увидели неприятельские ряды уже перед нашим лагерем, а позади него большими от-рядами носились казаки. Русские пушки раз-вили сильный огонь, прежде, чем успела тро-нуться с места хоть одна из наших — полови-на лошадей у нас пала — и прежде чем успел собраться небольшой наш отряд».⁶⁰

В наиболее тяжелом положении оказались полки 4-й тяжелой кавалерийской дивизии корпуса Себастьяни (1-й и 2-й карабинер- ские, 1-й кирасирский). В самом начале атаки казаки захватили стоявшую за лагерем без всякой прикрытия неприятельскую артил-лерию (3-я и 4-я роты 1-го конно-артилле-рийского полка и прикомандированная из 4-го кавалерийского корпуса 1-я рота польской конной артиллерии, всего 18 ору-дий⁶¹). При этом, по свидетельству капитана 5-го польского конно-егерского полка Х. Дембинского, пьяные артиллеристы сумели сделать лишь один выстрел из 18 заряжен-ных орудий.⁶² К этому эпизоду, вероятно, относится описанный в наградном списке подвиг есаула Грекова 18-го полка Костина, который, командуя сотней казаков, «при уда-ре на неприятельскую батарею первый вско-чил на онную, переколол канониров и завла-дел одним орудием».⁶³

«Многие офицеры и солдаты, — отмечал Колачковский, — погруженные в сон после ночной попойки, не успели добежать до ло-шадей. Кое-как удалось собрать остальных и выстроиться за деревней (Тетеренкой — В.Б.)».⁶⁴ Несмотря на внезапность атаки и царившую в лагере противника панику час-ти 4-й дивизии сумели все-таки построиться и вступить в схватку. 1-й карабинерский полк атаковал появившихся в тылу лагеря каза-ков и, опрокинув их, достиг высоты, на кото-рой обычно строились отправлявшиеся на фуражировку части 2-го резервного кава-лерийского корпуса. Однако удержаться на этом месте он не смог и был вынужден вер-нуться на прежнюю позицию. В свою оче-редь, 2-й карабинерский и 1-й кирасирский полки предприняли попытку спасти свою артиллерию. Но когда они пробились к мес-ту, оказалось, что большинство орудий уже

были увезены казаками, а те, которые оста-лись, не имели запряжек. Полки 4-й дивизии стремились удержаться на своих позициях, ожидая поддержки и отбиваясь от наследав-шей со всех сторон русской конницы, чис-ленность которой постоянно увеличива-лась.⁶⁵

Атаку казачьих полков поддерживали на-ходившиеся в составе колонны Орлова-Де-нисова части регулярной кавалерии, пехоты и артиллерию. Кроме того, на начальном эта-пе сражения к левому флангу этой колонны примкнул Тобольский пехотный полк с тре-мя орудиями легкой артиллерией. Командо-вавший этими силами Евгений Вюртемберг-ский, выйдя из леса, поддержал нападение, устремившись «на неприятельских кираси-ров, ставшихся прикрыть от казаков рас-положение Мюрата».⁶⁶

По всему лагерю неприятельские войска

спешно готовились к отражению внезапного нападения. Кирасирский капитан, состоявший в 1-м резервном кавалерийском корпусе, писал: «Мой лейтенант сказал мне: «Посмот-рите, капитан, да смотрите же, они совсем близко». Лошади мои были расседланы, и я приказал своим слугам: «Готовьте скорее лошадей, об этой я сам позабочусь», — и я указал на ту, на которой должен был ехать. «Не бойтесь», — говорил я им, — «не забудьте чего-нибудь, казаки не дойдут до нас». Хотя я это говорил им в утешение, но сам не верил в это».⁶⁷ Однако прикрытые рекой Чернишней войска были в большей безопаснос-ти. О. Тирион, служивший во 2-м кирасир-ском полку 1-го кавалерийского корпуса, вспоминал, что «первый шум, за которым быстро последовали звуки выстрелов, указал нам, что мы атакованы неприятелем. Живо вскочили мы на коней, ежеминутно ожидая атаки, но таковой не последовал; все силы русских устремились на наших соседей (корпус Себастьяни — В.Б.), которые не были, подобно нам, ограждены с фронта оврагом ручья, перейти который впереди нас и скрытно от наших постов было не только трудно, но и прямо невозможно».⁶⁸

Вместе с тем, в начале сражения, возмож-но, отдельные отряды казаков обошли рас-положенные на левом фланге неприятеля полки и пытались развить успешно начатое наступление. В этот критический для про-тивника момент Мюра не потерял присут-ствия духа и сумел организовать сопротив-ление, используя, вероятно, стоявшие на правом берегу Чернишни части 1-го резер-вного кавалерийского корпуса. «Он, — вспо-минал Тирион, — бросался на все биваки, со-бирал всех попавшихся ему всадников и, как только успевал набрать таковых с эскадроном, так мгновенно бросался с ними в атаку. Наша кавалерия обязана своим спасением именно этим последовательным и повторенным на нескольких пунктах атакам, которые, остан-новив неприятеля, дали войскам время и возможность осмотреться, собраться и пойти на неприятеля». В этих схватках с казака-ми Мюра получил легкое ранение пикой в бедро.⁶⁹ О начальном этапе сражения Роос писал: «Общее наше состояние было настоль-ко плачевно, что я думал, что русские про-сто захватят нас и отведут в плен; только впоследствии я узнал, каким чудом этого не случилось. А именно: проворность и быст-рая решимость короля помогли ему так ловко использовать кирасир и другие мелкие отряды кавалерии, что удалось отвратить самое ужасное».⁷⁰ Следовательно, организо-ванные Мюра атаки русской конницы позво-лили остановить движение казаков на линии реки Чернишни и тем самым спасти основ-ные силы противника от окружения и раз-грома.

Наиболее подготовленными к нападению оказались части 5-го польского корпуса Понятовского. «По счастью, — отмечал началь-ник штаба 16-й пехотной дивизии Я. Вейс-сенхоф, — вся наша пехота и кавалерия нахо-дилась в сборе на позиции. Мы выступили по тревоге, к которой подготовлялись по

П. Гесс. Сражение при Винково (Тарутино), 18 октября 1812 г.

приказанию командира корпуса, в полной боевой готовности, с оружием и в снаряжении. Эта предусмотрительность спасла не только нас, но и корпус короля (Мюра – В.Б.), стоявший правее».⁷¹

Обойдя полки 4-й тяжелой кавалерийской дивизии, казаки ударили в тыл польских войск и бросились на их обозы. Сотня казаков, с сыном М.И. Платова, сумела даже проскакать мимо Тетерники к русской пехоте.⁷² «Казаки, – вспоминал Колачковский, – уже со своим обычным криком «Коли! Коли! Ура!» ворвались в пехотный лагерь и начали опрокидывать ружейные козла».⁷³ По свидетельству Вейссенхофа, для защиты своего тыла командир 16-й пехотной дивизии Ю. Зайончек высказал несколько рот волчьих, которые «отбили обозы, перебили часть донцов и захватили в плен несколько десятков старых, большей частью украшенных крестами казаков»⁷⁴. Кроме того, по приказу Понятовского несколько орудий были развернуты в сторону возвышенности, расположенной на правом берегу ручья Десенка за Тетеренкой. Они открыли огонь из гранатами по массам русской конницы. «Выстрелы, – пишет Колачковский, – были удачны и сдержали ее натиск. Началась настоящая битва».⁷⁵

Примерно в то же время, когда казаки ударили во фланг и тыл польского корпуса, бригада Пиллара, при которой находился Багговут, выйдя из леса, стремительно атаковала и сбила неприятельские посты. Под прикрытием огня четырех орудий легкой роты №8, 4-й и 48-й егерские полки устремились к неприятельской батарее. Как свидетельствует Дурново, противник ответил на выстрелы 5 минут спустя и «третьим по счету ядром, выпущенным им, унесло у нас храброго генерал-лейтенанта Багговута, под которым была убита лошадь и которому оторвало ногу. Он умер спустя четверть часа».⁷⁶ Его место занял старший во 2-м корпусе генерал – начальник 17-й пехотной дивизии генерал-лейтенант З.Д. Олсуфьев.

Атаку на польские войска должны были, вероятно, поддержать выходившие из леса и строившиеся в колонны полки 2-го корпуса, поэтому егерская бригада наступала в рассыпном строю. Как свидетельствует Колачковский, Понятовский «приказал князю Сулковскому во главе его бригады, состоявшей из 5-го конно-егерского и 13-го гусарского полков, напасть на приближившиеся неприятельские колонны. Последние, выдвинув своих стрелков, успели сформировать каре. Наша кавалерия немедленно атаковала их на рысях и разбила два каре. Следовало удивляться упорству, с которым дралась молодая русская пехота. Я видел лежавших на земле раненых стрелков, которые поднимались, когда мы проходили мимо и стреляли в нас. Приходилось добивать их, чтобы они не могли принести нам еще больше вреда».⁷⁷ Во время боя бригадный генерал А.П. Сулковский получил ранение пулей в ногу. Об этой же атаке Е. Вюртембергский писал, что «48-й полк бросился вперед в рассыпную и французские кирасиры, воспользовавшись этим, изрубили значительную часть его».⁷⁸ Можно предположить, что в кавалерийской атаке, помимо указанных Колачковским полков, приняли участие и отступившие по левой стороне ручья Десенки к расположению поля-

ков части корпуса Себастиани. Следовавший с артиллерией 6-го корпуса Н.Е. Митаревский так описывал увиденное им в этот день поле боя: «Впереди нас было ровное место, на нем лежало много убитых и раненых наших егерей. Раненные рассказывали, что они шли в стрелках, на них из-за леса, что в левой стороне, напала французская конница, они не успели выстроиться в каре, и потому из них много перебито. Лежало тут довольно и французских кавалеристов; некоторые из них были в латах и шишаках, с конскими хвостами и в огромных ботфортах».⁷⁹

Таким образом, несмотря на сложности, встретившиеся при движении русских войск к позиции, начало атаки правого фланга оказалось успешным и даже согласованным.

Однако, пехотные колонны не сумели вовремя выйти из леса и поддержать всеми своими силами начавшееся наступление. Этому, вероятно, в немалой степени способствовало то обстоятельство, что в движение полков 2-го корпуса были внесены незапланированные изменения, повлиявшие на задержку их сосредоточения. Кроме того, польские войска, в отличие от корпуса Себастиани, сумели быстро подготовиться к отражению начавшегося наступления. Выходившие из леса русские части столкнулись с тем, что неприятель, как пишет Беннигсен, был уже готов к атаке, выстроившись в боевом порядке на холме перед деревней Юшково.⁸⁰ Тем самым фронтальная атака егерской бригады Пиллара была отбита кавалерией, а казачьи полки отброшены на правый берег Десенки и сосредоточились в небольшом лесочке между Рязановским оврагом и рекой Чернишней. Польские войска смогли устоять на своей позиции и, сдерживая выдвигавшиеся из Дедневского леса части русской пехоты, готовились перейти на правый берег Черниши. В свою очередь, перед русскими пехотными колоннами правого фланга встало задача сбить польские войска с занимаемого ими пригорка и принудить их к отступлению.

Атака закончилась неудачей еще и потому, что она не была своевременно поддержана силами 4-го пехотного корпуса Остермана-Толстого. В первые минуты сражения, когда были услышаны пушечные выстрелы, егеря 4-го корпуса бросились в лежавший перед ними лесок и сбили неприятельские пикеты. «Мне, – пишет Радожицкий, – велено было тотчас с двумя пушками выехать в долину, правее леса; и я увидел правее себя егерей 2-го корпуса, бегущих для занятия впереди их другого леса, за которым и против нас неприятель бивакировал около обгорелых развалин деревушки Дедни, за речкою».⁸¹ На этом движение 4-го корпуса закончилось. Он не прошел лес, в котором оставался 3-й польский пехотный полк, и не предпринял

наступление на позицию 5-го польского корпуса. Участники тех событий в своих воспоминаниях осуждали медлительность А.И. Остермана-Толстого. Так, например, Щербина с иронией писал, что 4-й корпус «по причине непостижимой, остановил колонны свои в лесу, который, лежав перед фронтом его, был занят им без выстрела при первом бегстве французской линии. Уже и 2-й корпус возобновил движение вперед, а 4-й все еще оставался в этом ему приятном лесу».⁸² Вместе с тем, М.М. Петров, служивший в корпусе Остермана-Толстого, отмечал, что не отыскано «какой и от кого 6 числа поутру, при начале сражения, прислан был офицер приостановить движение к нападению на неприятеля колонн пехотных нашего правого фланга. Глубокая вечность молчит».⁸³ Следовательно, можно предположить, что атака неприятельской позиции была приостановлена не по «недостатку распорядительности»⁸⁴ корпусного командира, который «в сей день не поддержал своей славы»,⁸⁵ а на основании полученного приказа.

в перестрелке с неприятельскими стрелками. Был густой туман, и я предположил, что к нам подошли русские патрули. Но перестрелка была слышна и в других местах, и на обоих берегах по всему лагерю трубили. Значит началась серьезная атака»⁸⁷. Гриуа приказал артиллеристам закладывать лошади и отправился к месту боя. «Наши конные форпосты, — пишет он, — стягивались уже к своим полкам, вступившим в битву. Мы некоторое время наблюдали. Наконец русские войска заколебались, и разорвавшись туман позволил нам увидеть, как их ряды, маневрируя, надвигались на нас. Я направил против них огонь артиллерии, русские ответили, и вдоль всего фронта завязалось дело»⁸⁸.

Вместе с тем, Гриуа отмечал: «Не знаю, какая несчастная случайность помогла артиллеристам достать в этот день водки. Я заметил это, когда при первых выстрелах отпрыгнул к парку и приказал ротам собираться и садиться на лошадей. Хлебная водка — настоящий яд, и она уже оказала действие на

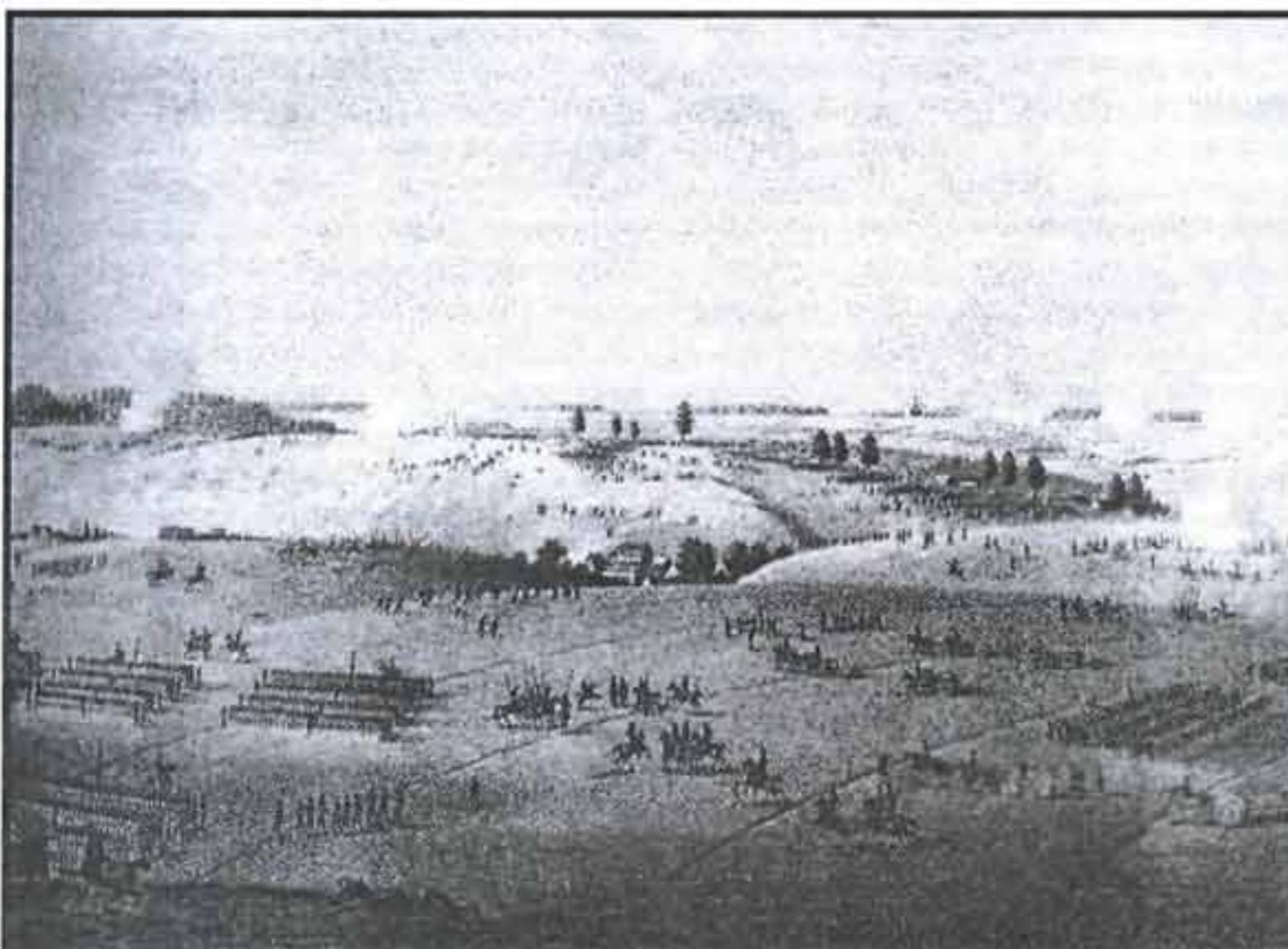
в тылу А. Ляуссе, дивизионный генерал Л.П.-Шатель «выбрал диспозицию, казавшуюся ему самой удобной, чтобы отразить нападение; распорядился даже сделать несколько кавалерийских атак. Но силы были не равны, и ему пришлось заботиться о том, чтобы отступить и не быть разбитым».⁹¹ Противник начал отходить на правый берег Черниши, чтобы прикрыть свой фронт рекой и на этой позиции выиграть время для организации отступления. Однако стремительно начатая на левом фланге русских войск атака не получила своего продолжения. Во время наступления, как пишет находившийся при авангарде Граббе, «Милорадович был отозван к Кутузову, и все остановлено было отсутствием начальника».⁹² Этот факт подтверждает в своих записках и Беннигсен. «Генерал Милорадович, с которым я условился накануне, и который рассчитывал поддержать мою атаку со своим авангардом, был вызван, в тот самый момент, когда началась атака, за 10 верст к князю Кутузову, который продержал его до тех пор, пока сражение не кончилось».⁹³

В то время, когда на левом и правом фланге русских войск уже разгорелся бой, 6-й пехотный корпус, находившийся в центре боевой линии, построился в колонны и, не начав движения, простоял «в таком виде довольно долго».⁹⁴ По свидетельству Беннигсена командиру 6-го корпуса Кутузов «за минуту до начала боя послал приказ не трогаться с места, не предупредив меня о том».⁹⁵

Сам главнокомандующий во время сражения находился при гвардии и кирасирских полках. Его окружали многочисленные офицеры штаба и генералы. Когда началось сражение, стоявшие на левом фланге пехотные корпуса и кирасирские дивизии построились и двинулись в сторону противника. Однако, как пишет офицер лейб-гвардии Измайловского полка Симанский, 5-й корпус после выдвижения вперед был вскоре остановлен. Войска построились «к атаке в колонну; в такой позиции приготовлялись уже отправлять знамена, но оные оставили. Людям велено было отдыхать».⁹⁶

Как только на правом фланге стали слышны выстрелы, Кутузов «дал повелениедежурному генералу Коновничу отпра виться и, по обозрению, что происходит, ему донести».⁹⁷ Вместе с Коновничьим поехали многие офицеры, в том числе С.И. Маевский, Михайловский-Данилевский, Щербинин.

Оставшийся на месте главнокомандующий, по свидетельству Левенштерна, находившийся в это время при Кутузове, «утверждал, что трех пушечных выстрелов не было сделано; но так как их было сделано несколько сот, то было очевидно, что атака началась». Вскоре к Кутузову прибыл Милорадович, «прося у него разрешение перейти в наступление и совершил движение для поддержки нашего правого фланга. Фельдмаршал с неудовольствием отверг это предложение».⁹⁸ Михайловский-Данилевский в «Описании Отечественной войны 1812 г.» пишет, что Кутузов сказал Милорадовичу: «У вас только на языке атаковать, а вы не видите, что мы

Сражение при Тарутине 6 октября 1812 г. Литография С. Шифляра по оригиналу А.И. Дмитриева-Мамонова, 1822 г.

Как только на правом фланге русских войск началась перестрелка, Милорадович отдал приказ выдвинуться вперед находившейся в его распоряжении кавалерии и пехоте. Кавалерийские корпуса под командованием Ф.К. Корфа были обращены на центр неприятельской позиции. Левее них наступал пехотный отряд Долгорукова. «Генерал Милорадович, — пишет Ф.Н. Глинка, — вызывав фланкеров, приказывает в глазах своих сбивать пикеты неприятельские, которые на рассвете не могли еще различать ясно и стояли в недоумении. Мгновенно ведеты неприятельские сорваны, передовая цепь бежит».⁸⁶ Командующий артиллерией 3-го резервного кавалерийского корпуса полковник Л. Гриуа, спавший в дымной избе в деревне Кузовлево, был разбужен звуками начавшейся перестрелки. Выглянув в окно он увидел, что «по ту сторону оврага наши ведеты

нескольких солдат. Заметно оно было и на офицерах. Один из лучших, обычно вполне трезвый капитан при разговоре со мной упал почти без чувств. Другой был приближительно в таком же состоянии. Таким образом тяжело было вести дело; как заставить слушаться или хотя бы понимать приказания людей, утративших ясность сознания?».⁸⁹

Приближаясь к неприятельским войскам расположенным у Виньково, Милорадович приказал конно-артиллерийской роте №4 занять выгодную высоту. «Полковник Мерлин с ротою своей, опередив даже кавалерию, взлетает на высоту, устраивает орудия, бьет по неприятельским бивакам и заставляет молчать открывшуюся было его батарею. Восходящее солнце видит нас уже побеждающими»⁹⁰. В свою очередь, командовавший 3-м резервным кавалерийским кор-

пусом вместо заболевшего и отправленного

еще не созрели для сложных движений и маневров!».⁹⁹

Ермолов также пытался убедить главнокомандующего активизировать свои действия. «Я, — пишет Левенштерн, — находился возле фельдмаршала в тот момент, когда генерал Ермолов пытался доказать необходимость произвести фронтальную атаку. Кутузов приблизился к нему и сказал самым грубым образом, махая пальцем перед его глазами: «Вы то и дело повторяете: пойдем в атаку, вы думаете этим заслужить популярность, а сами не понимаете, что мы не умеем маневрировать. Сегодняшний день доказал это, и я сожалею, что послушался генерала Бенигсена».¹⁰⁰ Пытаясь, вероятно, избавиться от назойливых предложений Ермолова, Кутузов приказал ему ехать к действующим войскам и оставаться при них. «Мне, — пишет Ермолов, — встретились случаи, в которых нашел я нужным употребить имя фельдмаршала: видел, что делалось и что должно быть сделано».¹⁰¹

Таким образом, главнокомандующий, расположив свой штаб в тылу войск у резервов, не имел возможности наблюдать самостоятельно за ходом сражения. В то время, когда войска правого и левого флангов вступили в бой с неприятелем, Кутузов упорно не желал двигать в атаку основные силы. Требовавшим этого генералам он указывал на то, что русская армия не готова к наступлению, так как не умеет маневрировать. Тем самым, главнокомандующий остановил успешную атаку Милорадовича. Более того, именно Кутузов, вероятно, отдал приказ остановить движение 4-го и 6-го корпусов, нарушив этим выполнение утверждений им же диспозиции и сделав невозможным окружение и уничтожение неприятельского отряда.

Благодаря действиям корпуса Ю.А. Понятовского и 4-й тяжелой дивизии корпуса Себастьяни, а также кавалерийским атакам, организованным Миоратом, неприятель не позволил русским войскам разгромить свой левый фланг и получил возможность выиграть время, чтобы подготовить войска к обороны и организованному отступлению. Миорат сосредоточивал свои силы на новой позиции, на правом берегу реки Черниши. Войска выстраивались по ее течению под прямым углом, одна сторона которого была расположена перпендикулярно Калужской дороге, а другая — параллельно ей. Кроме того, к деревне Спас-Купля, для прикрытия дефиле, были направлены 1-й и 3-й полки Вислинского легиона и 4-й резервный кавалерийский корпус.¹⁰² Такое расположение войск защищало путь отступления и давало возможность Миора спасти свой отряд от окружения и разгрома.

Примечания.

¹ М.И. Кутузов: Сборник документов. М., 1955. Т.4. Ч.2. С.8-9; Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. СПб., 1840. Ч.3. С.223.

² По свидетельству А.А. Щербинина к Ермолову был послан поручик Екатеринославского кирасирского полка Павлов, по дан-

ным М.И. Богдановича к нему отправили по-

ручика Глуховского кирасирского полка Герсанова, а Д.В. Давыдов в примечаниях к «Дневнику партизанских действий» написал, что его разыскивал офицер Кавалергардского полка. Сам Давыдов не был участником описываемых им событий, однако, позволяет утверждать, что при его написании Давыдов опирался на прямые свидетельства начальника штаба 1-й армии. (См.: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г., по достоверным источникам. СПб., 1859. Т.2. С.619; Денис

Давыдов: Сочинения. М., 1962. С.538; Записки А.П. Ермолова: 1798 — 1826 гг. М., 1991. С.217-218; Записки Щербинина // Харкевич В. 1812 г. в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып.1. С.38; далее: Щербинин).

³ Отличную от всех картину представил в своих воспоминаниях А.А. Щербинин. Он относил события 4 октября к 3 числу и утверждал, что Ермолов обедал у своего дежурного генерала П.А. Кикина в помещичьем имении за левым флангом русского лагеря. Это свидетельство невозможно считать достоверным, т.к. оно не согласуется с другими известными воспоминаниями. Вообще представленное Щербинином описание октябрьских событий содержит многочисленные неточности, относящиеся к последовательности действий, датам, чинам, должностям и т.д. Все это позволяет предположить, что мемуарист либо не сумел за

давностью лет точно воспроизвести детали происходивших событий, либо не был о них достаточно полно осведомлен (Щербинин. 38).

⁴ Богданович. 619.

⁵ Давыдов. 538.

⁶ Давыдов, со слов Ермолова, пишет, что Кутузов не выехал 4 октября из Леташевки, но это свидетельство противоречит другим воспоминаниям участников событий и делопроизводственным документам (Давыдов. 538).

⁷ Адъютант Кутузова В.И. Левенштерн в своих записках по этому поводу пишет следующее: «Атаку предположено было произвести 4-го октября, но в тот момент, когда артиллерии было приказано двинуться, половина ея лошадей оказалась занятаю фуржировкою в 18 верстах от лагеря. Генерал барон Левенштерн, командовавший артиллерией, сообщил это неприятное известие Кутузову, который отменил предположенное им движение» (Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1901. №1. С.115; далее: Левенштерн).

⁸ Кутузов. 4. 2. 12.

⁹ Маевский С.И. Мой век или история генерала Маевского. 1779 — 1848 гг. // Русская старина. 1873. №8. С.156; Михайловский-Данилевский А.И. Записки: 1812 г. // Исторический вестник. СПб., 1890. №10. С.164; Левенштерн. 115-116; Щербинин. 39, 40.

¹⁰ Граббе П.Х. Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. М., 1873.

С.102-103.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). СПб., 1830. Т.32. №24975. С.50, 52.

¹² Кутузов. 4. 1. 308-309, 331.

¹³ Записки Ермолова. 216.

¹⁴ Отечественная война 1812 г.: Материалы Военно-ученого архива. СПб., 1912. Т.19. С.8, 10-11, 124 (далее: ВУА).

¹⁵ Там же. С.11.

¹⁶ Записки графа Л.Л. Бенигсена о кампании 1812 г. // Русская старина. 1909. №9. С.519 (далее: Бенигсен).

¹⁷ ВУА. 19. 125.

¹⁸ Давыдов. 538.

¹⁹ Кутузов. 4. 2. 9.

²⁰ Там же. С.12; ВУА. 19. 125.

²¹ Бенигсен. 519.

²² ВУА. 19. 14-15.

²³ Там же. С.13; Кутузов. 4. 2. 13.

²⁴ ВУА. 19. 13.

²⁵ Там же. С.125.

²⁶ Кутузов. 4. 2. 13.

²⁷ Васильев А.А. Французские карабинеры в бою при Виньково 18 октября 1812 г. // Ка- лужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1998. С.54.

²⁸ Французы в России. 1812 г. По воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. С.98.

²⁹ Левенштерн. 116.

³⁰ Симанский Л.А. Журнал участника войны 1812 г. // Военно-исторический сборник. 1913. №4. С.131.

³¹ Кутузов. 4. 2. 17.

³² В делопроизводственной документации Главного штаба и воспоминаниях современников говорится о том, что в колонне В.В. Орлова-Денисова было 10 казачьих полков. Анализ наградных документов позволил А.А. Васильеву утверждать о наличии в казачьем отряде 13 полков. Кроме того, при Орлове-Денисове состоял сборный эскадрон лейб-гвардии Казачьего полка и Черноморской сотни (Васильев. 62). Вместе с тем, в числе 13 казачьих полков Васильев показал и Симферопольский конно-татарский полк, который находился в это время в отряде И.Е. Ефремова (Кутузов. 4. 2. 11-12, 72).

³³ 3-й кавалерийский корпус в это время существовал名义上. Фактически он вошел в состав 2-го кавалерийского корпуса и находился под командованием Ф.К. Корфа (Записки Крейца // Харкевич В. 1812 г. в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып.1. С.75; Богданович. 472; Васильев А.А., Елисеев А.А. Русские соединенные армии при Бородине 24-26 августа 1812 г.: Состав войск и численность. М., 1997. С.32).

³⁴ ВУА. 19. 3. 123; Кутузов. 4. 2. 7; Известие о военных действиях Российской армии против французов: 1812 г. СПб., 1813. С.152; Бенигсен. 519-520; Дурново Н.Д. Дневник 1812 г. // 1812 год...: Военные дневники. М., 1990. С.96-97; Глинка Ф.Н. Сражение при Тарутино // Военный журнал. 1818. Кн.11. С.34; Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1824. Ч.2. С.25-27; Сражение при

Обширная коллекция литературы по истории наполеоновских войн на CD-ROM: Богданович, Поликарпов, Габаев и еще более 300 наименований книг русских и иностранных авторов, Вы найдете на сайте:
www.napoleon-fall.narod.ru

- Чернишне // Харкевич В. 1812 г. в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1903. Вып.2. С.201-202; Васильев. 55, 62.
- ³³ ВУА. 19. 2; Кузнецов О.Ю. Конные полки Тульского ополчения в событиях 1812 г. (Частные иллюстрации общей проблемы) // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1998. С.69, 70.
- ³⁴ Богданович со ссылкой на Журнал приказа Евгения Вюртембергского приводит приказ Л.П. Бенигсена к войскам правого фланга. Однако, показанное в нем распределение войск и поставленные им задачи противоречат не только диспозиции, рапортам о сражении, запискам Бенигсена, но и воспоминаниям самого Евгения Вюртембергского (Богданович. 476).
- ³⁵ Бутурлин Д.П. Кутузов в 1812 г. // Русская старина. 1894. №11. С.199.
- ³⁶ Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. М., 1835. Ч.1. С.220.
- ³⁷ Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского о компании 1812 г. // Военный журнал. 1848. №3. С.57 (далее: Е. Вюртембергский).
- ³⁸ ПСЗ. Т.32. №24975. С.49.
- ³⁹ Кутузов. 4. 2. 8-9, 25.
- ⁴⁰ Михайловский-Данилевский. Описание. 224.
- ⁴¹ Дурново. 96.
- ⁴² Е. Вюртембергский. 59, 60.
- ⁴³ Там же. С.58.
- ⁴⁴ Там же. С.58, 60.
- ⁴⁵ Евреинов М.М. Память о 1812 г. // Русский архив. 1874. №2. С.451.
- ⁴⁶ Симанский. 132.
- ⁴⁷ В календаре на 1812 г. указывается, что в Москве 6 октября восход солнца был в 6 часов 58 минут, а заход – в 5 часов 2 минуты (см.: Месецеслов с расписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христово 1812. СПб., [1811]. Ч.1. С.XII.)
- ⁴⁸ Колачковский К.И. Записки генерала Колачковского о войне 1812 г. // Военно-исторический сборник. 1911. №3. С.62.
- ⁴⁹ Французы в России. 97.
- ⁵⁰ Васильев. 54.
- ⁵¹ Колачковский. 63.
- ⁵² Известие о военных действиях Российской армии против французов: 1812 г. ... С.152-153; Записки графа Л.П. Бенигсена о компании 1812 г. ... №9. С.520.
- ⁵³ Бенигсен. 520.
- ⁵⁴ Французы в России. 97.
- ⁵⁵ Васильев. 55.
- ⁵⁶ Михайловский-Данилевский. Описание. 224-225.
- ⁵⁷ Французы в России. 97.
- ⁵⁸ Вильсон Р.-Т. Дневник и письма 1812–1813. СПб., 1995. С.183; Васильев. 52.
- ⁵⁹ Васильев. 62.
- ⁶⁰ Кутузов. 4. 2. 27.
- ⁶¹ Колачковский. 63.
- ⁶² Васильев. 55-57.
- ⁶³ Е. Вюртембергский. 63.
- ⁶⁴ Французы в России. 100.
- ⁶⁵ Там же. С.94-95.
- ⁶⁶ Там же. С.95.
- ⁶⁷ Там же. С.97.
- ⁶⁸ Вейссенгоф Я. Из записок генерала Яна Вейссенгофа // Военно-Исторический сборник. 1919. №2. С.229.
- ⁶⁹ Михайловский-Данилевский. Описание. 225.
- ⁷⁰ Колачковский. 63.
- ⁷¹ Вейссенгоф. 230.
- ⁷² Колачковский. 63.
- ⁷³ Дурново. 97; Симанский. 132.
- ⁷⁴ Колачковский. 63.
- ⁷⁵ Е. Вюртембергский. 61.
- ⁷⁶ Митаревский Н.Е. Рассказы об Отечественной войне 1812 г. М., 1878. С.120.
- ⁷⁷ В рапорте Кутузову от 7 октября Бенигсен пишет, что нашел неприятеля выстроившегося в боевой порядок в выгодной позиции «на высотах перед Дмитровским селением» (см.: Известие о военных действиях, 153). Этого не могло быть, так как левый фланг неприятеля простирался только до Тетеринки и не достигал деревни Дмитровской. Свою ошибку в определении места действия войск Бенигсен исправил в записках, указав, что неприятель занимал позицию перед деревней Юшковой (Бенигсен. 520).
- ⁷⁸ Радожицкий. 221. Вероятно, речь идет о деревне Боковинка (Ильино), находившейся на левом берегу реки Черниши за речкой Дроновка, так как деревня Дедня была в тылу русских аванпостов (см.: План сражения при Тарутине (при Чернишине) 6 октября 1812 г. // Кутузов. 4. 2. Альбом схем).
- ⁷⁹ Щербинин. 41.
- ⁸⁰ Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С.196.
- ⁸¹ Записки Ермолова. 217.
- ⁸² Михайловский-Данилевский. Записки. 165.
- ⁸³ Глинка. 34.
- ⁸⁴ Французы в России. 95-96.
- ⁸⁵ Там же. С.96.
- ⁸⁶ Там же. С.97.
- ⁸⁷ Глинка. 34.
- ⁸⁸ Французы в России. 96.
- ⁸⁹ Бенигсен. 522.
- ⁹⁰ Митаревский. 119-120.
- ⁹¹ Бенигсен. 522.
- ⁹² Симанский. 132.
- ⁹³ Записки Ермолова. 217; Михайловский-Данилевский. Записки. 164.
- ⁹⁴ Левенштерн. 117.
- ⁹⁵ Михайловский-Данилевский. Описание. 228.
- ⁹⁶ Левенштерн. 117.
- ⁹⁷ Записки Ермолова. 217.
- ⁹⁸ Васильев. 58, 59.

(Окончание следует)

Колонка Кудряшова

Среди кавалеров ордена Святого Георгия I степени были прусский фельдмаршал Блюхер и австрийский фельдмаршал Шварценберг (за Лейпциг 1813 г.), английский фельдмаршал герцог Веллингтон (за Ватерлоо 1815 г.) и французский герцог Людовик Ангулемский (за подавление революции в Испании в 1823 г.). В 1807 г. в Тильзите орденом Почетного легиона I степени были награждены Александр I, цесаревич Константин, барон Будберг, князь Куракин, князь Лобанов-Ростовский.

В 1812 г. во время англо-американской войны англичане взяли и сожгли Вашингтон - столицу США.

«Эсаме» - свидетельство о принадлежности к янычарскому корпусу - давало освобождение от налогов, и с XVII в. свободно продавалось и покупалось на рынке как ценная бумага.

Подъемом затопленных в бухте Севастополя во время Крымской войны русских кораблей занималась американская компания из Бостона, за что получила сумму равную половине стоимости поднятых судов. Более 20 кораблей были подняты целыми.

Граф Дмитриев-Мамонов в 1812 г. на свои средства снарядил кавалерийский полк московского ополчения, которому вручил знамя Дмитрия Пожарского, специально доставленное из Нижнего Новгорода.

Наполеон, желая укрепить союз между Россией и Францией (заключенный в 1807 г. после нескольких лет войн), сватался в 1808 г. к великой княгине Екатерине Павловне - сестре Александра I, но получил отказ.

Гражданская война в США 1861-1865 гг. началась с атаки южан на форт Самтер. Обстрел крепости, также как и ответный огонь, не принесли потерь ни одной из сторон, хотя форт был почти разрушен. Когда гарнизон северян покидал форт и спускал флаг, то в честь флага был произведен артиллерийский салют. При этом разорвалось одно из орудий и погиб стоявший рядом канонир Дэниел Хоу. Это был первый погибший в войне, которая унесла больше жизней американцев, чем Вторая мировая.

Наибольшие потери в сражении при Рорк's Дрифт против Зулусов британцы понесли от огнестрельного оружия. В этом бою отряд лейтенанта Чарда силой в 80 чел. противостоял зулусской 4000 армии.

Самый старый генерал наполеоновской империи - Франсуа-Морис Абовиль, он получил генеральский чин еще в 1783 г. В 1917 г. под Дмитровом была собрана боевая машина по проекту капитана Н. Лебеденко, она приводилась в движение двумя двигателями, которые были сняты со сбитого немецкого дирижабля. Эта машина передвигалась на двух больших колесах диаметром 9 м.

А. Ежов. Атака 2-го карабинерского полка при Тарутино.

Тарутинское сражение

к.и.и. В.А. Бессонов

(окончание, начало в № 10, продолжение в № 11)

Когда неприятельские войска устраивали новую линию обороны, на левом берегу Черниши еще продолжали действовать части 5-го пехотного и 2-го кавалерийского корпусов. 1-й карабинерский полк не смог сдержать натиска окруживших его казаков и отступил на соединение с главными силами. Два других полка под ударами русской конницы продолжали удерживать свои позиции. При этом 1-й кирасирский полк, стоявший на правом фланге, потерял связь с 2-м карабинерским и вынужден был самостоятельно отбиваться от казачьих атак.¹

Вероятно в это время к колонне Орлова-Денисова в сопровождении многочисленной свиты прибыл Коновницын, который стал свидетелем того, как кирасиры противника отбросили казаков. «Мы, — вспоминал Михайловский-Данилевский, — обнажили щаги и, устроив казаков, бросились с ними на неприятелей. Находясь рядом с героями Коновницыным, мы рубились; сеча продолжалась несколько минут, мою лошадь ранили, она упала и вместе с нею и я. В сей ужасной суматохе французские кирасиры нанесли мне несколько ударов плащмя, но по прошествии немногих секунд они были опрокинуты; я представляю о радости моей судить тем, которые в кавалерийской атаке находились в подобном мне положении. В сие время казак дал мне французскую лошадь и сказал при том, что это дурной знак быть в сражении на лошади, отбитой у неприятеля; я сел на нее и поскакал к Коновницыну».²

Возможно, именно в этом бою был убит ординарец Кутузова, подпоручик лейб-гвардии Артиллерийской бригады А.А. Безобразов. В дневниковой записи от 6 октября Дурново отмечал, что «Александр Безобразов пропал без вести. Полагают, что он был убит в атаке, которую наши казаки произвели против французских кирасиров. Это приведет его бедную мать в отчаяние: он был ее единственным сыном». 8 октября в дневнике появляются новые сведения: «Слухи о смерти Александра Безобразова, артиллерийского офицера, к сожалению, оправдались. Он был убит в сражении казаков с первым кирасирским полком. Его тело было обнаружено на поле боя совершенно обнаженное». Впоследствии мать Безобразова обратилась к императору с просьбой разрешить ей перевезти тело сына для похоронения в село Кокино Орловской губернии, на что ей было дано высочайшее разрешение.

Находившийся в 1812 г. при штабе Кутузова И.Н. Скобелев, — известный в 1830—1840-х гг. военный писатель, из солдат дослужившийся до генерала от инфантерии, — в литературном произведении «Подарок товарищам или переписка русских солдат в 1812 г.» писал: «Кутузов хотя и не близко

стоял, а чугунные просвирки и к нему долетали. При Главной квартире было скучно об артиллерийском офицере Безобразове, который был в ординарцах и убит здесь же; молод, но умен был покойник и обещал в себе залихватского парня». Как видно, Скобелев использовал смерть Безобразова, в качестве доказательства того, что главнокомандующий находился под огнем, хотя этого на самом деле не было.³

Окруженный казаками 1-й кирасирский полк оказался в тяжелом положении. На помощь к нему попытался прийти командир 2-й бригады 4-й дивизии бригадный генерал Л.К. Шуар. Возглавив половину 2-го карабинерского полка, он отеснил передовые отряды казаков, но пробиться к кирасирам не смог. Наткнувшись на

значительные силы русской конницы, карабинеры вынуждены были вернуться на прежнюю позицию, к своему полку. Вероятно именно об этом отступлении неприятеля Маевский писал, что «французский эскадрон, опоздав примкнуть к своим, атакован был всеми нашими казаками. Едва мы бросимся на него, как храбрый француз повернет эскадрон лицом к нам и, не стреляя, отражает нас одною своею неустрашимостью, строгим порядком и присутствием духа. Он спасся и мы утешились только предпринятием».⁴

Не имея возможности держаться против многочисленной русской конницы, 1-й кирасирский полк начал отступление к главным силам отряда Мюората. Пытаясь укрыться от преследователей, он въехал в лесок, располагавшийся на правой стороне ручья Десенка, который оказался наполнен большим числом казаков. При этом кирасиры разомкнули строй и, лишившись возможности эффективно сопротивляться, стали легкой добычей. Предположительно именно во время этого отступления сотник Иловайского 10-го полка Карпов 4-й взял почетный трофей — штандарт 1-го кирасирского полка, имевший на навершии древка позолоченную фигуру орла, а

¹ Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С.71; Дурново. 98; ГАКО, ф.32, оп.20, д.22, л.628; Скобелев И.Н. Солдатская переписка 1812 г. и рассказы русского инвалида // 1812 г. в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М., 2001. С.185; Тот же самый аргумент, со слов Скобелева, использовал автор статьи «Генерал граф Леонтий Леонтьевич Бенигсен» (см.: [Воейков А.Ф.] Генерал граф Леонтий Леонтьевич Бенигсен // РА. 1868. №11. С.185).

² Васильев. 57; Маевский. 157.

орлоносец полка младший лейтенант Ж. Берлемон получил в схватке 13 ран.

Оставшись один против русской конницы, 2-й карабинерский полк некоторое время еще удерживал позицию. Но будучи окружены со всех сторон казаками, которые беспрестанно обстреливали и теснили противника, он, в конце концов, был вынужден отступить. Прорвав линию русской конницы, карабинеры без значительных потерь пробились к основным силам. Соединившиеся на правом берегу реки Черниши части 4-й тяжелой кавалерийской дивизии заняли место в боевой линии справа от прикрывавшей Калужскую дорогу польской батареи бригадного генерала Ж.Б. Пельтье. За правым флангом 4-й дивизии встала уступом

Шеф эскадрона карабинерского полка в малой форме

5-я тяжелая ливизия 1-го резервного кавалерийского корпуса.⁵

Длившееся несколько часов противоборство казаков с тремя полками тяжелой кавалерии противника закончилось. Несмотря на частные успехи, карабинеры и кирасиры были не в состоянии сдержать натиск преисходящих сил и удержать позицию на левом берегу Черниши. Хотя иррегулярные войска Орлова-Денисова не могли расстроить и уничтожить оказавшиеся в окружении полки регулярной кавалерии, они беспрестанно насыдали на них со всех сторон, обстреливая и атакуя неприятеля. Высокую оценку действиям русской конницы дал в своем дневнике английский генерал Р.-Т. Вильсон: «Мне довелось быть вместе с ним (2-м пехотным корпусом Баготова — В.Б.) и казаками в самую решительную минуту, особенно когда казаки атаковали неприятель-

⁵ Васильев. 57-58.

ских кирасиров и карабинеров, что было произведено с величайшим умением и доблестью».

Вместе с тем, многие участники событий, отдавая в целом справедливость казакам, отмечали, что во время сражения их действия были направлены не только на борьбу с противником. Так, Ермолов в своих воспоминаниях указывал, что «богатые обозы были лакомою приманкою для наших казаков: они занялись грабежом, перепились и препятствовать неприятелю в отступлении не помышляли». В своем дневнике 6 октября Дурново записал: «Лагерь неприятеля попал в руки казаков, которые его разграбили. Мюрат постигла та же участь: у него отняли все серебро». Как отмечал Вильсон, «казаки настолько обогатились, что теперь они продают наиценнейшие вещи за малую толику золота, ведь только так могут они перевозить свою добычу. Вчера их снова ожидали невероятные трофеи».

О поведении казаков на поле боя Евгений Вюртембергский вспоминал: «Я был очень недоволен, в настоящем случае, многими казачьими полками: имея обязанность действовать в совокупности с пехотою, между тем как Орлов-Денисов с другими старался обходить неприятеля, они занимались больше брошенными орудиями и прикалыванием раненых, нежели дружным натиском на французские колонны. Двум полковникам я сделал строгий выговор, особенно за жесткое обращение с раненым неприятелем; во всем же прочем я сам извинял их». В своих записках Михайловский-Данилевский рассказывал, что казаки, увидев на нем французскую шинель, приняли его за неприятеля и просили находившихся с ним рядом драгун разрешить им его добить.⁷

Таким образом, в начальный период сражения действия казаков на левом фланге противника ограничились в основном нападением на части 2-го кавалерийского и 5-го армейского корпусов. В результате атаки войска Орлова-Денисова заняли пространство на левом берегу реки Чернишни и правом берегу ручья Десенки. Однако им не удалось зайти в тыл основной группировки Мюрата и перерезать путь отступления – Калужскую дорогу. Это произошло потому, что, с одной стороны, неприятель сумел оперативно организовать отпор, чем остановил стремление русской конницы, а с другой, рассыпавшиеся на большом пространстве полки иррегулярной кавалерии не смогли достаточно слаженно и эффективно действовать против сохранивших порядок регулярных войск противника. Этому, возможно, способствовало и отвлечение внимания казаков на попавшие в их руки орудия, обозы, биваки и т.д.

После отступления 1-го кирасирского и 2-го карабинерского полков за Чернишню казаки заняли находившуюся в руках неприятеля возвышенность, на которой была ус-

Дивизионный генерал Ш. Лефевр-Денуэтт (1773-1822)

тановлена конная артиллерия. Вероятно примерно в это же время Коновницын, «видя французские колонны в полном бегстве» сказал подъехавшему к нему Михайловскому-Данилевскому: «Поедем к фельдмаршалу поздравить его с победой».⁷ После этого дежурный генерал в сопровождении офицеров штаба отправился с докладом к Кутузову.

Когда войска Орлова-Денисова боролись с полками 4-й дивизии корпуса Себастьяни, Беннигсен, после неудачной атаки егерей, готовил вверенные ему войска для нанесения решающего удара по польскому корпусу. Он приблизил к себе 17-ю пехотную дивизию и отменил движение Волынского и Кременчугского пехотных полков к Евгению Вюртембергскому, чем вызвал неудовольствие последнего.⁸ Благодаря этим мероприятиям практически все силы 2-го пехотного корпуса были сконцентрированы в одном месте. Тогда, возможно, из состава 4-й артиллерийской бригады, находившейся под командованием подполковника М.К. Фриша, против неприятеля была выдвинута батарейная рота № 4. Не дождавшись появления 4-го пехотного корпуса, Беннигсен отменил движение 3-го корпуса вправо. Он предписал по выступлении из леса расположить его левее 2-го корпуса и занять лежащую там возвышенность батарейной ротой №3 полковника М.М. Таубе. По замечанию Беннигсена эти 12 орудий «действовали успешно и расстроили ряды неприятеля».⁹

Отличалась своей активностью и артиллерия противника. «Вообще, – писал в своем дневнике Дурново, – ядра свистели вокруг нас». Критикуя действия Беннигсена, Евгений Вюртембергский отмечал, что «гут-

⁷ Вильсон. 183-184; Михайловский-Данилевский. Записки. 165.

⁸ В воспоминаниях Евгений Вюртембергский критически отозвался об этих действиях Беннигсена. Он считал, что пехоту необходимо было направить на правый фланг, для поддержки атак кавалерии, а не концептуализировать против Тетеринки (Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского. 61, 63).

⁹ Богданович. 479; Записки графа Л.Л. Беннигсена. 521.

стая масса нашей пехоты, без пользы и в бездействии, послужила верной целью для неприятельской двенадцати-фунтовой батареи, которая стреляла по ней в продолжение целого часа».¹⁰

При Беннигсене, помимо чинов штаба, находился еще принц Август Ольденбургский. В рапорте о сражении и в записках Беннигсена указывал, что принц добровольно взял на себя обязанность развозить приказания, при этом он отправлялся в те места, где шел самый жаркий бой. Кроме того, отмечал Беннигсен, принц Ольденбургский сумел удачно расположить батарею, которая своими действиями нанесла ощутимый вред неприятелю. В наградных документах, представленных Кутузовым императору в декабре 1812 г., указывалось, что принц, «изъявив желание идти с батареей, где усиливался неприятель, установил ону поспешно, дал ей наилучшее направление и верным действием преодолел упорное сопротивление неприятеля и принудил его к бегству». О том, как это происходило, сохранилось свидетельство поручика Евреинова. В воспоминаниях он писал, что принц Ольденбургский, «желая показать свои услуги, подъехал к генералу Беннигсену, подле которого и я в то время находился, и спросил его, неугодно ли будет ему приказать подвинуть близ стоящую батарею против имевшейся не вдалеке неприятельской пехоты? Генерал изъявил на то свое согласие, и принц тотчас отправился к батарее. Зная, что его высочество не совсем свободно мог объясняться на русском языке, я счел нелишним за ним последовать; и действительно, когда он подъехал к батарее и скомандовал так: артиллерию вперед, тогда я после него повторил: артиллерию вперед», после чего принц возвратился к генералу, а я еще несколько минут тут оставался, желая видеть, что из того произойдет».¹¹ Евреинов покинул батарею, когда заметил, что «вся пехота на меня прицелилась и начала пускать пули». За проявленную в Тарутинском сражении предприимчивость принц Ольденбургский был награжден орденом Святого Георгия 3-го класса.

Как свидетельствует Беннигсен, через полчаса после выхода из леса 3-го пехотного корпуса и батарейной роты, он заметил «с неприятельской стороны большое движение. Оно причинено было усилием выводить войски из их позиции», что, по мнению Беннигсена, было связано с действием казаков Орлова-Денисова. Последний в это время, вероятно, занял уже оставленную противником позицию на левом берегу Чернишни, и его артиллерия открыла огонь по неприятелю. Услышав в тылу поляков пушечные и ружейные выстрелы, Беннигсен приказал усилить атаку с фронта. «Неприятель выбит был из всех пунктов, которые он занимал перед своей позицией, между тем как я

¹⁰ Дурново. 97; Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского. 61.

¹¹ Известие о военных действиях. 156; Записки графа Л.Л. Беннигсена. 522; М.И. Кутузов. Т.4. Ч.2. С.23; Евреинов. 452-453.

продолжал более и более сближаться к левому его флангу, дабы совершить сообщение с графом Орловым-Денисовым». С этой целью, возможно, Беннигсен направил на свой правый фланг 4-й егерский полк, который соединился с действовавшими уже на этом участке Тобольским пехотным полком и тремя орудиями легкой артиллерии, состоявшими под командой Евгения Вюртембергского.

Таким образом, позиция 5-го польского корпуса с фронта оказалась под огнем установленных против нее батарей и была атакована выдвинутыми вперед егерями, опиравшимися на стоявшие у леса колонны линейной пехоты. С тыла ей угрожали находившиеся за ручьем Десенской казаки, а с левого фланга наступал усиленный егерским полком отряд Евгения Вюртембергского. Все это заставило неприятеля начать отход за Чернишню, чтобы прикрыть свой фронт этой рекой. «Мои три орудия, — вспоминает Евгений Вюртембергский, — стали на продолжении фланга поляков. Первый же выстрел с моей батареи послужил как бы сигналом к отступлению неприятеля».¹²

Под прикрытием стрелков, засевших на пригорке в березовой роще, поляки начали переходить овраг, а вместе с ними покинули позицию и части 2-й тяжелой и 2-й легкой кавалерийских дивизий корпуса Себастьяни. Сильный артиллерийский и ружейный огонь со стороны русских войск сопровождал это отступление. «Когда мы переходили овраг, — вспоминал Колачковский, — пуля попала в грудь Лефевру-Денуэтту (командир польской кавалерийской дивизии — В.Б.), но отскочила от пряжки перевязи лядунки. Он вскрикнул «Je suis mort» [Я мертвый (франц.)] и упал навзничь. Я обнял его рукой и разорвав мундир, увидел, что это была только контузия. «Ce n'est rien general» [Это ничего, генерал (франц.)], сказал я ему и освежив немного водкой из моей фляги, проводил несколько сот шагов. Неприятельские егера наступали очень быстро. Вынув саблю, я почувствовал, что ружейная пуля ударила меня в ножны. За несколько минут перед этим адъютант генерала Лефевра, по фамилии Дотан, потерял коня, убитого осколком гранаты. Все офицеры штаба получили сильные контузии или легкие раны. Под генералом Лефевром-Денуэттом был, немного спустя, убит гранатой конь. Что касается меня, то сюда мой был пробит пулями в нескольких местах и в ножнах сабли я нашел расплющенную карабинную пушку».¹³

Во время этого отступления, возможно, легкое ранение пулей в левый бок получил генерал Зайончек и был убит начальник шта-

ба 5-го корпуса польский дивизионный генерал С. Фишер. О его смерти Вейссенгоф писал: «Находясь около князя (Понятовского — В.Б.), он был ранен ружейною пулей в руку, а когда князь приказал ему отойти и осмотреть рану, он отвечал, что еще может сидеть на лошади. Внезапно вторая пуля, поразив его в лоб, положила предел этой честной жизни».¹⁴

Наступление на позицию 5-го корпуса велись силами 2-го и 3-го пехотных корпусов, в то время как 4-й корпус продолжал бездействовать. По этой причине левый край Дедневского леса оставался в руках 3-го пехотного полка польских войск, при котором было два трехфунтовых орудия. Когда русская пехота перешла в наступление, то этот неприятельский отряд нанес ей удар во фланг. Как свидетельствовал Дурново, «французы (то есть поляки — В.Б.) имели стрелков в лесу, и их артиллерия обстреливала дорогу, по которой мы шли». Беннигсен отдал приказ пехоте противника «принять в штыки; она из лесу бросилась в рывину, и обе колонны, из коих она состояла, тотчас обращены были в бегство. Ни один человек бы не спасся, если бы под рукой кавалерия».¹⁵ Благодаря этой атаке неприятель, вероятно, был отброшен от русского фланга, но своей позиции еще окончательно не оставил.

Беннигсен, оказался в затруднительном положении. Он предполагал, что 4-й корпус уже должен был соединиться с 6-м, но вместе русских войск на его левом фланге оказался неприятель. Для выяснения сложившегося положения Беннигсен в сопровождении находившихся при нем офицеров отправился под огнем неприятеля к Остерману-Толстому. В это время одно из ядер убило лошадь аудитора С.И. Бестужева, вырвало кусок мяса из правой ноги самого Бестужева и на излете ударило по колену правой ноги Беннигсена, от чего тот получил сильную контузию. Ехавший рядом с Бестужевым Евреинов вспоминал: «Как во время войны равнодушно смотрят на подоб-

ные случаи! Все только обернулись и сказали: «это аудитор!» и продолжали ехать дальше». Евреинову стало жаль лежащего на земле Бестужева, он поспешил доехать до находившихся вблизи казаков и приказал отвести аудитора в ближайшую деревню. Рану Бестужева считали малоопасной, но у него началась гангрена, и 9 октября он скончался. Перед смертью с него был сделан портрет, который он просил отправить жене и детям. Особую трагичность этому случаю придает то обстоятельство, что аудитор не был обязан находиться на поле боя, и его появление под огнем неприятеля было вызвано исключительно личным любопытством. Дурново пишет, что перед боем Бестужева отговаривали не подвергать свою жизнь опасности, но он не послушал советов и «заплатил жизнью за свое безрассудство».¹⁶

Несмотря на полученную контузию, Беннигсен добрался до своего левого фланга и, обнаружив, что войска Остермана-Толстого не соединились еще с 6-м корпусом, приказал ему выступить из леса и батарейной ротой занять третью возвышенность, находившуюся левее батареи Таубе. Увидев, что в центре боевой линии русских войск план атаки выполнен не был, Беннигсен, вероятно, решил выяснить, в каком положении находятся дела на левом фланге. Возле одной из стоявших на месте пехотных колонн его встретил Граббе. Он вспоминал, что Беннигсен появился «с выражением гнева и горести на лице и сказал вслух: «Я надеялся по крайней мере, что храбрый Милорадович исполнит задачу». Видя, что никто не отвечает, я подъехал к нему и сказал «Нет ни малейшего сомнения, что он исполнил бы ее, по своему всегдашнему обычаю, но он отозван, и войска остаются без начальника и без приказаний». Беннигсен выслушал меня с изумлением и, ничего не отвечая, взглянул только на небо».¹⁷ Возможно, после этого разговора Беннигсен, убедившись, что войска центра и левого фланга не поддержали своими силами атаку правого фланга, вернулся к вверенным ему частям.

В это время выдвинутый вперед 4-й корпус наткнулся на 3-й полк польской пехоты, который, находясь на значительном расстоянии от главных сил, оказался в тяжелом положении. Радожицкий писал, что «две колонки французов (то есть поляков — В.Б.), занимавших левее меня лес, бросились из него бежать через поляну, для соединения с своими; тогда у нас не случилось кавалерии,

¹² Известие о военных действиях. 153. В записках Беннигсена писал, что это движение было вызвано желанием удержать войска на их позиции» (Записки графа Л.Л. Беннигсена. 521); Известие о военных действиях. 154; Записки графа Л.Л. Беннигсена. 521; Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского. 61-62.

¹³ Колачковский. 63; Французы в России. 98; Колачковский. 64.

¹⁴ Вейссенгоф. 230.

¹⁵ Дурново. 97; Известие о военных действиях. 154.

¹⁶ Дурново. 97-99; Записки графа Л.Л. Беннигсена. 522. В свою очередь, свидетель этих событий Евреинов, указывал, что аудитор ядром оторвало правую ногу. Свои воспоминания Евреинов писал на склоне лет, когда некоторые детали могли уже стереться из памяти, поэтому сведения о полученной Бестужевым ране, отразившейся в дневнике Дурново, представляются более достоверными. (Евреинов. 452); Евреинов. 454.

¹⁷ Известие о военных действиях. 154; Граббе. 105-106.

Генерал-лейтенант А.И. Остерман-Толстой (1770-1857)

чтобы схватить их. Я пустил в них два ядра, и зарядив пушки картечью погнался за ними поближе; но меня остановили, потому что прикрытие пехоты отставало. Колонки между тем, к досаде нашей, перешли ручей и спаслись».

Свидетелем отступления 3-го польского полка стал ехавший к Кутузову Коновницын. «Мы, — вспоминал Михайловский-Данилевский, — увидели две колонны, стоявшие позади нас и которые в нас стреляли. Коновницын сказал мне, что это должно быть заблудившиеся войска из корпуса графа Остермана». Он направил к ним Михайловского-Данилевского, чтобы ввести их в дело. «Я бросаюсь, даю знак шпагою, чтобы более не стреляли, приближаюсь к ним, и что же представилось глазам моим? это были французы (то есть поляки — В.Б.), я мог увидеть их мундиры, кивера и даже различить черты лиц. Я повернул лошадь, но тысячи пуль свистят около меня, ибо по мне открыли батальный огонь; попадают в лошадь, одна пуля пробивает мою фуражку, а другая насквозь правую мою руку, попавши выше локтя, и вылетает близ кисти. Я сохранил столько силы, чтобы дать шпоры моей лошади; пули преследуют меня, горячая кровь льется из ран моих, свет меркнет в глазах, лес, находящийся передо мною, кажется, начинает двигаться... Я падаю, но в сию минуту вижу выезжающего из леса капитана Степанова, собираю последние силы свои, кричу ему: «спаси меня!» и лишаюсь чувств».

За движением польской пехоты наблюдали и на правом фланге русской армии. Неприятель шел на соединение с главными силами по открытой местности, позади русской кавалерии. «Не видя ниоткуда никаких приготовлений к атаке этой колонны, — вспоминал Граббе, — я подъехал к Васильчикову и сообщил ему это, как я полагал, незамеченное им обстоятельство. «Кажется, что здесь все начальствуют», отвечал он мне с пренебрежением. «Напротив, кажется, что здесь никто не начальствует», возразил я ему и, повернув лошадь, поскакал к польской колонне. Она продолжала идти поспешно, но в порядке, далеко впереди нашей пехоты, но все еще сзади нашей кавалерии, преследуемая картечью Донской конной артиллерии, наносящей ей вред, но недостаточный для ее истребления».

Таким образом, 3-й полк польской пехоты, находясь в окружении русских войск, до последней возможности оставался на своей позиции в лесу. Он активно противодействовал наступлению пехоты Беннигсена, и только под давлением превосходящих сил отступил в порядке к основным войскам противника. «Как только ему удалось выйти в чистое поле, — пишет Колачковский, — он построился в каре, оборонявшие друг друга огнем и, выдержав несколько атак, дошел наконец до Черниши. Здесь он перешел глубокий овраг, по которому протекает эта речка, и был принят нами с неописанной радостью. Он сохранил даже свои орудия»,¹⁸ спасению польской пехоты в немалой степени

способствовала несогласованность действий русских войск, и в первую очередь, 4-го пехотного корпуса и кавалерии левого фланга.

Выйдя из леса со своим корпусом, Остерман-Толстой выдвинул на возвышенность батарейную роту № 23, усилив тем самым наступательное действие войск правого фланга. Благодаря такому расположению артиллерии, центральная батарея Таубе смогла вести перекрестный огонь. Несмотря на то, что неприятель сумел сосредоточить все свои силы на новой позиции за рекой Чернишней, он был не в состоянии выдержать все возраставшее давление русских войск, охвативших его левый фланг и угрожавших отрезать дорогу к отступлению. Действия русской артиллерии, пехоты и казаков вынудили противника начать общее отступление. «С этого момента, — отмечал Дурново, — победа стала полной. Неприятель был разбит, и его преследовали по всем пунктам».

дить неприятельской пехоте, потому что при нем не было кавалерии». В 10 часов части Остермана-Толстого заняли неприятельские биваки поляков на левом берегу реки Черниши.¹⁹ Следовательно, в течение примерно трех часов неприятель пытался удержать натиск русских войск, особенно активно действовавших на его левом фланге, и создать новую линию обороны для прикрытия своего отхода. Однако ближе к 10 часам противник был вынужден оставить свои позиции и начать общее отступление к Спас-Купле.

В это время Евгений Вюртембергский со своим отрядом двинулся вперед, «стараясь настичь головные части отступавших неприятельских войск». Возможно тогда 20-й егерский полк, находившийся в колонне Орлова-Денисова, предпринял попытку выйти на Калужскую дорогу и отрезать путь отхода отряда Мюраты к Спас-Купле. Евгений Вюртембергский писал, что «20-й егерский полк, содействовавший, под начальством

А. Езсов. Атака 2-го карабинерского полка при Тарутине. Карабинеры изображены в малой форме, в которой они прошли всю русскую кампанию, одев парадные белые колеты лишь при Бородино.

«Построив пехоту в каре, — вспоминал Колачковский, — мы начали потихоньку отступать к Спас-Купле под прикрытием артиллерии и кавалерии». Войска правого фланга русской армии перешли к преследованию. С фронта наступали 2-й и 4-й пехотные корпуса, в то время как 3-й корпус был, вероятно, направлен вправо, за деревню Дмитровскую «дабы прикрыть правый фланг армии, и вместе с тем наблюдать дорогу, ведущую из Дмитровского в село Вороново». С фланга и тыла действовали казаки Орлова-Денисова при поддержке пехоты и регулярной кавалерии. «4-й корпус наш, — пишет Радожицкий, — подвигался медленно и невольно позволял перед собой ухо-

подполковника Горихвостова, казакам, подвинувшимся теперь к правому флангу Тобольского, и атаковал штыками французскую батарею». Егеря перешли реку Чернишнюю выше села Рождествено и попытались, вероятно, занять овраг у Богородского. Со своими пехотниками выдвинулись они под картечным огнем вперед и ударили на батарею Пельтье. Они уже достигли пушек, когда егеря атаковали карабинерские полки, а с фланга нанес удар 6-й кирасирский полк. Егеря успели построиться в каре, но карабинеры и кирасиры прорвали его и изрубили многих солдат. В воспоминаниях Радожицкий так описывал увиденное им в этот же день поле боя: «в одном месте лежало человек тридцать русских егерей, порубленных, и между ними несколько убитых французских кирасиров: это были латники Мюраты, напавшие на колонну 20-го егерского полка и произведшие страшную сечу».

Егеря были вынуждены отступить. Пос-

¹⁸ Радожицкий. 221; Михайловский-Данилевский. 165; Колачковский. 64.

¹⁹ Дурново. 97; Колачковский. 65; Бутурлин. История нашествия. 30; План сражения при Тарутине (при Чернишине) 6 октября 1812 г. // М.И. Кутузов: Сб. док. Т.4. Ч.2. Альбом схем; Радожицкий. 222-223.

Продажа:

Книги изд. «Osprey»

Elite 23 «Samurai» - 650 р.

MAA 48 «Wolfe's Army» - 580 р.

MAA 285 «King George's Army. Infantry. 1740-1793» - 580 р.

Книги изд. Military Illustrated

«Rifleman» (144 стр., большое кол-во цветных и ч/б иллюстраций) - 780 р.

«Highlander» (142 стр., большое кол-во цветных и ч/б иллюстраций) - 780 р.

Цена включает пересылку. Оказываю помощь в приобретении любых выпусков изд. «Osprey»Писать: 443095 г. Самара,
ул. Ташкентская, 141-108

Кривенко Андрею Анатольевичу

сов участие в сражении закончилось. «В этом деле, — заключает Митаревский, — нашей роте, да и всему корпусу, не удалось сделать ни одного выстрела». Его слова можно отнести ко всем пехотным корпусам левого фланга.

В то время, как по приказу главнокомандующего к Чернишне выдвигались пехотные корпуса, войска, составлявшие резерв левого фланга (5-й пехотный корпус и кирасирские дивизии), оставались на месте.²³

Таким образом, в преследовании отступающего неприятеля принимали участие только иррегулярная и регулярная кавалерия, отряды Долгорукова и Евгения Вюртембергского, поддержанные огнем следовавший с ними артиллерии. Кроме того, наступление русских войск подкрепляли части 2-го и 4-го пехотных корпусов. Задержавшись, вероятно, при переправе через Чернишну, они потеряли контакт с колоннами неприятеля, безостановочно отходившими к Спас-Купле. Так, Радожицкий писал, что наступавшая по Калужской дороге пехота 4-го корпуса не видела уже перед собой противника. В таком же положении, возможно, был и 2-й корпус, следовавший правее корпуса Остермана-Толстого, вдоль Чернишни. При войсках последнего, вероятно, находился со своим штабом Беннигсен.

Из полков регулярной пехоты на правом фланге в непосредственном столкновении с неприятелем оказались части под командованием Евгения Вюртембергского. Тобольский пехотный, 4-й и 20-й егерские полки при поддержке уже 15 орудий и кавалерии 1-го корпуса пытались сломить сопротивление противника, прикрывавшего между Рождествено и Рогово отход основных сил. Евгений Вюртембергский вспоминал, что «6-й кирасирский полк его, прикрывавший отступление, сражался с львиной храбростью, но не устоял. В лесу встречены мы были частью неприятельской пехоты, которая, жертвуя собой, старалась выиграть время, чтобы дать отойти прочим войскам; пользуясь кустарниками, они успели, действительно, занять новую позицию у Спас-Купли, впереди Вороново».²⁴

де неудачной атаки к 20-му полку примкнули части, находившиеся под командованием Евгения Вюртембергского — Тобольский пехотный, 4-й егерский полки и три орудия легкой артиллерии. «Между тем, — пишет Евгений Вюртембергский, — Толь, во весь этот день действовавший искусно и ревностно, подвез ко мне 12 орудий; за ними следовал Миллер-Закомельский. Подкрепленный сими войсками, я стал сильнее и сильнее нащирать на неприятеля».²⁰

Когда противник начал постепенно отводить свои войска по Калужской дороге, казаки, при поддержке артиллерии, начали, возможно, переходить реку Чернишну и преследовать колонны противника. Отходивший с польскими войсками Роос в воспоминаниях так описал это отступление: «Вскоре мы нашли свою горсточку, все еще именовавшуюся полком, вместе с другими, именовавшимися совместно бригадой. Примчался адъютант короля (Мюрат — В.Б.) с приказанием бригаде начать атаку. Приказание исполнили. Двинулись вперед, не нападая, а только маневрируя».

Вероятно, с началом отступления противника Орлов-Денисов предпринял попытку опередить его у Спас-Купли, за которой находилось дефиле — узкое место, образованное примыкавшим с двух сторон к дороге лесом. С этой целью было послано несколько казачьих полков, которые обнаружили крупные силы, направленные заблаговременно на этот пункт Мюратом. 1-й и 3-й полки Вислинского легиона и 4-й кавалерийский корпус прикрыли здесь отступление противника и, несмотря на атаки казаков, удерживали занятую ими позицию до подхода основных сил.²¹

Когда неприятель начал общее отступление, действия русских войск в центре и, особенно, на левом фланге активизировались. После возвращения Коновницына, который сообщил, вероятно, о ретираде противника на правом фланге, главнокомандующий отдал приказ двинуть вперед главные силы. Находившийся при Кутузове Левенштерн писал: «Когда было наконец получено известие о поспешном отступлении короля Неполитанского, то Кутузов решил двинуть кавалерию барона Корфа и генерала Васильчикова, но благоприятный момент был ужепущен». Состоявший при 4-м кавалерийском корпусе Бутурлин свидетельствует, что, видя отступавшего в ужасе противника, «Васильчиков почел вполне своевременным воспользоваться им, чтобы ударить на их правое крыло, которое бежало мимо нас. Наше левое крыло было занято в это время прохождением весьма трудного Виньковского дефилея, и его успели пройти лишь че-

тыре эскадрона драгун. Васильчиков, не желая упустить неприятеля, повел в атаку эти четыре эскадрона против линии от десяти до двенадцати эскадронов, которые хотя и построились перед нами, но нерешительностью своих движений не обещали устоять и, действительно, несмотря на свое огромное численное превосходство, видя наше приближение, обратились в бегство». Командир Сибирского драгунского полка К.А. Крейц писал, что во время сражения, он «исполнял почти должность эскадронного командира и на большой дороге преследовал прежде кирасиров, а потом отступающую неприятельскую пехоту». Описывая участие кавалерии Корфа в преследовании, Крейц особо отметил успешные атаки Польского уланского полка. Против неприятеля, помимо 2-го, 3-го и 4-го кавалерийских корпусов, действовали, вероятно, и казачьи полки, которые могли наступать западнее дороги, вдоль ручья Каменка. Кроме того, в преследовании противника, возможно, принимали участие и полки отряда Долгорукова. Они вступили в дело, когда успешное наступление русской кавалерии по Калужской дороге было приостановлено у примыкавшего к ней с западной стороны леса. Среди деревьев и кустарника засели мешавшие продвижению кавалерийских полков неприятельские стрелки, которых удалось выбить только с помощью подспевшей пехоты.²²

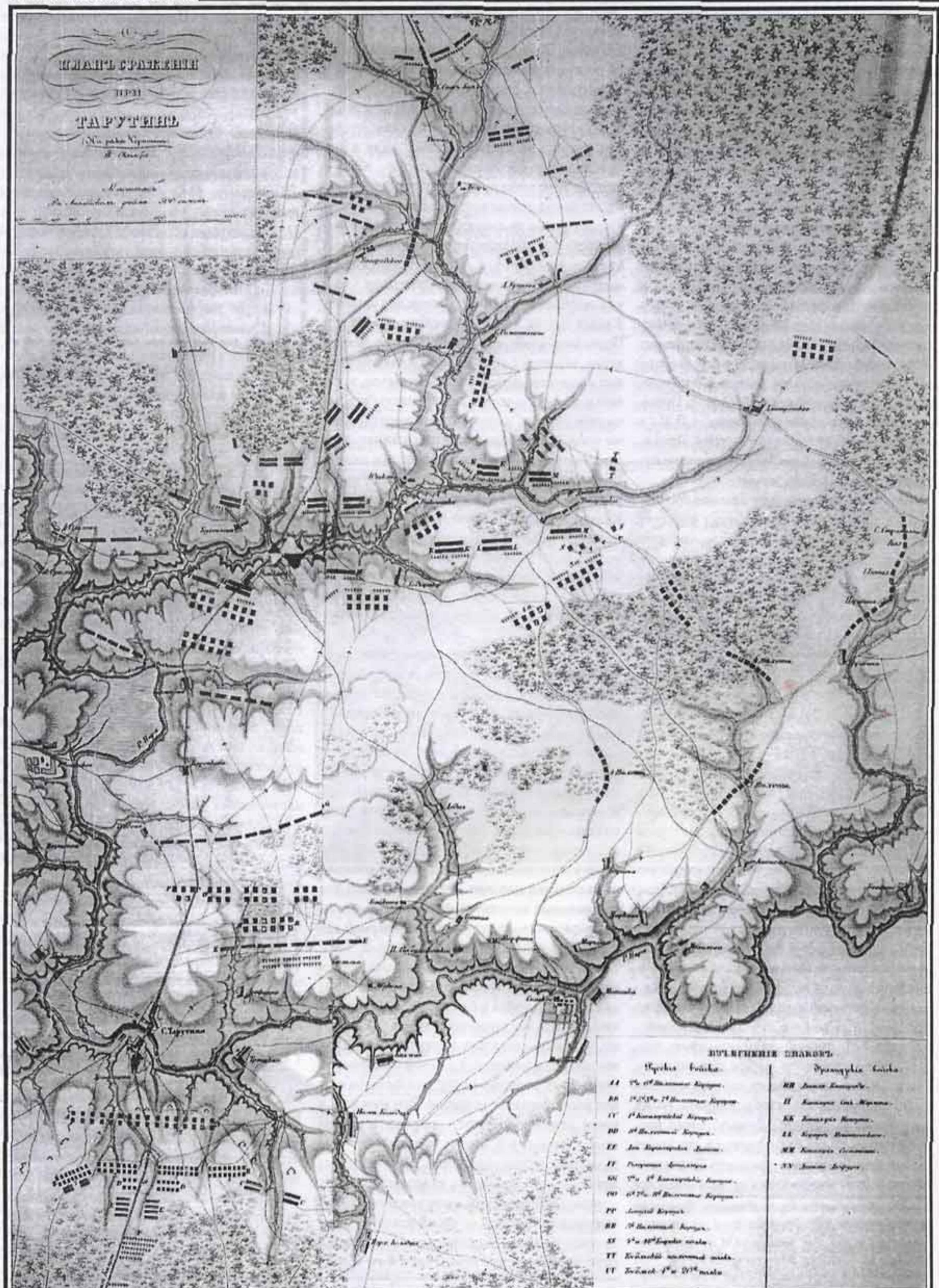
Находившийся на этом направлении Гриуа вспоминал: «Мы отступали после долгого сопротивления, в полном порядке и под прикрытием огня моей артиллерии, переходя с одной позиции на другую. Король Мюрат долгое время был с нами; он был даже слегка ранен в руку. Некоторые из его экипажей не отъехали вовремя в тыл и могли теперь помешать нашим движениям. Он приказал солдатам сжечь их, что они и исполнили, поделив предварительно между собою то, что было в этих экипажах. Он лично подбодрял их и смеялся над тем, что они с такой поспешностью исполнили его приказ».

Примерно в одно время с кавалерией начали свое движение к Чернишне 6-й, 7-й и 8-й пехотные корпуса. «Когда выстрелы с правой стороны стали приближаться, — писал находившийся в 6-м корпусе Митаревский, — тогда мы тронулись вперед. В стороне, откуда раздавались выстрелы, за лесом, мы ничего не видели, а с левой стороны, по открытому ровному месту, видны были еще две наши большие колонны. Эти колонны и наша двигались вперед, как будто равнялись». Вскоре 6-й корпус подошел к ручью Дроновка и, перейдя через него, встал на пригорке. «Выбравшись на возвышенность, — пишет Митаревский, — мы увидели дым от выстрелов. Сойдясь со своей пехотой, остановились в прежнем порядке». С выходом к реке Чернишне для 6-го, 7-го и 8-го корпуса

²⁰ Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского. 62; А.З. Горихвостов на момент сражения имел чин майора (М.И. Кутузов: Сб. Т.4. Ч.2. С.26; Васильев, Елисеев. 76); Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского. 62; Французы в России. 96; Бутурлин История нашествия. 28-29; Вильсон. 187; Васильев. 59; Радожицкий. 224.

²¹ Французы в России. 98; Сражение при р. Чернишне. 204; Васильев. 59.

²² Записки генерала В.И. Левенштерна. 117; Бутурлин. Кутузов в 1812 г. 200-201; Записки Крейца. 75; План сражения при Тарутине (при Чернишне) 6 октября 1812 г. Альбом схем; Бутурлин. История нашествия. 30.

План сражения при Тарутино (на реке Чернишье) 18 октября 1812 г.

Неприятельские войска стягивались к Спас-Купле, где у труднопроходимого де-

филе им пришлось остановиться. Мюрату необходимо было выиграть время и приго-

товориться к отступлению по окруженней лесом дороге. Сворачивая линию обороны,

части противника, прикрывавшие на левом фланге отход главных сил, совершили свое отступление под ударами бросившихся вслед за ними казаков. Кирасирский капитан, служивший в 1-м резервном кавалерийском корпусе, писал: «Мы принуждены были отступить, но отступили в полном порядке. Ядра градом сыпались на наши ряды. Неприятель не смог привести нас в смятение, но час спустя мы были окружены со всех сторон и нам пришлось стрелять во все стороны. Всюду были видны одни казаки. Земля дрожала от топота их лошадей. Но их большое количество не устрашило нас, и, если мы спаслись в этой схватке, то обязаны этим не слушать, не счастью, а исключительно только нашей стойкости. Мы отступили в полном порядке». Тирион, служивший во 2-м кирасирском полку 1-го корпуса, отмечал в воспоминаниях, что «нам пришлось присоединиться к отступательному движению левого крыла, и к полуодину и мы, в свою очередь, с двух сторон и лицом к лицу очутились перед неприятелем, так как он находился и перед нами и на нашем правом фланге; мы были обстреляны в голову и с фланга, неся большие потери от этого флангового огня». Как свидетельствует Колачковский «около часа дня, мы, будучи все соединены, и в самом строгом боевом порядке, остановились на позиции под Спас-Куплей, просто на дороге, ведущей из Воронова, имея лес за собой на расстоянии полукилометра. На этой позиции еще оживленно шел орудийный огонь с обеих сторон. Наше каре еще несколько раз должны были отражать атаки неприятельской кавалерии».²⁵

У Спас-Купли к атакующим русским войскам присоединилось и несколько партизан армейских партизан. Отправленный Дорожниковым для наблюдения за неприятелем урядник казачьего Власова полка Филатов с 10 казаками «вмешался в дело и, поражая бегущих, убил своеручно французского генерала, коего мундир со звездой, орденами и лядункою представил к команде». За проявленное отличие Кутузов произвел его в хорунжии, о чем было объявлено 9 октября в приказе по армии. По мнению Б.М. Колюбакина, убитым неприятельским генералом был П.С. Дери, бригадный генерал, адъютант Мюратта. Последний проявил особую заботу о судьбе тела своего боевого товарища. Радожицкий вспоминал, что в ночь с 6 на 7 октября велено было «развести в биваках веселые огни, и петь песни, потому что Мюрат посыпал через наш лагерь к фельдмаршалу парламентера, просить сердце убитого друга своего, генерала Дери». Можно предположить, что первоначально посланием просил передать ему тело генерала, так как в своем рапорте Кутузову от 7 октября Беннигсен писал, что Дери «найден между убитыми. Король (Мюрат – В.Б.) прислал

просить его тело». Повторно к этому вопросу вернулся присланный в русский лагерь 9 октября офицер, который явился «за телом убитого генерала Дери» и привез Кутузову письмо Бертье. Вероятно, именно с ним было отправлено к Мюратту сердце генерала. По крайней мере в своих записках Беннигсен отметил, что Мюрат желал иметь сердце Дери и «желание это было исполнено».²⁶

В нападениях на неприятеля приняли также участие партизаны Н.Д. Кудашева и Фигнера. О первом в представлении его к награждению Кутузов писал императору, что «во время сражения 6 числа, быв в тылу, взял в плен 200 человек». Фигнер, по словам Радожицкого, к вечеру приехал к ним в гости и рассказал, как он «участвовал в горячей сшибке с французскими кирасирами; как он близок был к Мюратту, который в одной рубахе едва мог спастись; как при переправе через речки французы везде бросают свои фуры, повозки и сами взрывают зарядные ящики; как лошади их не везут, а они сами бегут сломя шею».²⁷

Следовательно, отступившие к Спас-Купле войска неприятеля оказались прижаты к лесу, через который шла узкой полоской Калужская дорога. Они были вынуждены под давлением русской кавалерии и артиллерии удерживать эту позицию, чтобы избежать беспорядочного отступления через дефиле.

Отряд Мюратта оказался в тяжелом положении. С фронта к нему приближались пехотные корпуса, появление которых могло значительно усилить натиск русских войск. Однако этого не произошло. В критический для неприятеля момент поступил приказ главнокомандующего об остановке преследования и возвращении главных сил в Тарутинский лагерь. «В час дня, – записал в своем дневнике Дурново, – мы вынуждены были по приказу фельдмаршала Кутузова, ревновавшего к нашим успехам, прекратить преследование». К следующему с войсками Беннигсену прибыли посланные Кутузовым Толь и Кайсаров, которые «посоветовали мне вернуть войска более чем 20 верст назад, на позиции, которые они занимали раньше. Мое предложение, чтобы он шел вперед с остальными войсками, не было принято; если бы это движение было выполнено, то ни одному человеку из корпуса короля Неаполитанского не удалось бы спастись». Получив приказ Кутузова, Беннигсен был вынужден ос-

Обширная коллекция литературы по истории наполеоновских войн на CD-ROM: Богданович, Поликарпов, Габаев и еще более 300 наименований книг русских и иностранных авторов, Вы найдете на сайте: www.napoleon-fall.narod.ru

тановить движение и, «поручив генералам, которые так доблестно сражались с неприятелем, привести войска обратно на позицию», отправился к главнокомандующему.²⁸

Постепенно атаки неприятеля под Спас-Купле прекратились. «Около 3 часов полудни, – пишет Колачковский, – огонь совершенно стих и наш корпус начал отступать через лес, отделявший нас от Воронова». Отряд Мюратта шел по Калужской дороге в течение почти всей ночи и только к утру, заняв позицию, остановился у Воронова. Это отступление неприятельских войск сопровождалось мелкими стычками с казаками, которые, как отмечал в рапорте Орлов-Денисов, преследовали противника до Воронова.²⁹

Таким образом, около 10 часов утра сбив неприятеля с позиции у Чернишни, русские войска начали преследование. Отбиваясь, в основном, от атак кавалерии, части противника двигались безостановочно к Спас-Купле. Достигнув после полудня этого населенного пункта, Мюрат занял оборонительную позицию, стремясь обеспечить проход своих сил через дефиле. Здесь противник оказался под сильным огнем артиллерии и был неоднократно атакован кавалерией. Но дальнейшего наступления русских сил не последовало, так как Кутузов к часу дня остановил преследование противника. Напор русских войск стал ослабевать и к трем часам сражение прекратилось. После этого неприятель, преследуемый только небольшими отрядами казаков, смог миновать опасное дефиле и ретироваться к Воронову, где и остановился.

В оправдание решения главнокомандующего Голицын в своих воспоминаниях писал: «Началась атака, неприятель побежал; все его преследуют и при Кутузове не осталось никого, кроме его адъютантов. Вдруг приезжает урядник Жирова казачьего полка, находящегося в партизанском отряде у князя Кудашева под Подольском. Он привез перехваченное предписание Бертье к л'Аржану, чтобы немедля все тяжести шли к Можайску. Вот обстоятельство, которое укрепило Кутузова в истине, что Наполеон решительно ретироваться будет, но куда и в какое время было ему еще неизвестно. Опасение, не обходит ли он нас по дороге к Калуге, – вот что занимало старика, и в этом тайном совещании собственно с собою (ибо ни одного лица из генералов его штаба не было тут), он решился не преследовать». Это объяснение было принято многими историками. Вместе с тем, рассказ Голицына противоречит сохранившимся документам. Ку-

²⁵ Дурново. 97; Записки графа Л.Л. Беннигсена. 522.

²⁶ Колачковский. 65-66; Французы в России. 97; Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. С.26.

²⁷ Радожицкий. 224; Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского. 62.

²⁸ Французы в России. 100; Тирион А. Воспоминания офицера французского кирасирского №2 полка о компании 1812 г. СПб., 1912. С.35; Колачковский. 65.

тузов писал в конце октября императору в представлении к награждению Кудашева, что он «первый дал нам знать об отступлении неприятеля, доставив приказ Давута к генералу Даржану». Однако эти сведения были доставлены главнокомандующему Кудашевым не во время сражения, а при рапорте от 10 октября. В нем, между прочим, сообщалось: «По замечаниям моим, по донесению пленных и обывателей видно, что неприятель весь или большую частью тянется на Калужскую дорогу. Подтверждают сие сверх этого уланы гвардейские, перехваченные с самонужнейшими бумагами к генералу Арженсу, кои также доказывают, что в Москве войск мало, император Наполеон Москву оставил и с ним вся его гвардия. Бумаги посылаю, а сам действую на левый фланг неприятеля». Из рапорта Кудашева следует, что об отряде под командою бригадного генерала П.Ж. Буке д'Аржанса он узнал только 9 октября. Кроме того, Кудашеву не было смысла присыпать к Кутузову урядника Жирова полка, так как, по свидетельству главнокомандующего, он сам был участником Тарутинского сражения. С другой стороны, в «Истории нашествия» Бутурлина указывается, что преследование было остановлено вследствие получения Кутузовым сведений о появлении в Вороново крупного отряда противника.³⁰ Однако это обстоятельство не находит документального подтверждения. Следовательно, известные на сегодняшний день источники позволяют утверждать, что у Кутузова не было веских причин прекращать начатое наступление.

Именно в ожидании прибытия Беннигсена произошла, возможно, описанная Маевским сцена. Кутузов кричал «Где этот дурак! Рыжий! трус! и т.д. После многих прискажий, или приблизительных имен, Кутузов с сердцем повторял: «нет, нет» и усиливаясь напасть на имя этого труса рыжего ... Но когда ему сказали: «не Бенниксона-ли?» тогда он повторил «да, да!» А когда ему сказали: «да вот он здесь», тогда Кутузов с ласкою и отеческой миною обнял его и, вслед затем, отдал приказание».

Беннигсен в окружении находившихся при нем офицеров прибыл к Кутузову, которого, по свидетельству Евреинова, они застали «в поле, сидящего на табурете, окруженного своею свитой и многими генералами». Беннигсен словесно донес о происшествиях дня, о том, сколько было убито, сколько взято в плен, а о числе орудий и захваченных экипажах обещал представить на другой день

³⁰ Записки о войне 1812 г. кн. А.Б. Голицына // Военный К.А. Отечественная война 1812 г. в записках современников. СПб., 1911. С.75; Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны. 229; Кожевников А.А. Бой под Тарутином // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т.4. С.189; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С.499; Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С.268; М.И. Кутузов: Сб. док. 89, 240; Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. С.33; Бутурлин. История нашествия. 30.

рапорт.

Иная картина встречи главнокомандующего с Беннигсеном предстает в записках Левенштерна: «Кутузов сошел с лошади; подъехавший в это время атаман Платов приказал разостлать ковер, на котором фельдмаршал лег рядом с ним. В этот момент появился генерал Беннигсен с трофеями, взятыми в этот день; за ним ехал казачий полковник Сысоев, взявший знамя 1-го кирасирского полка. Фельдмаршал встал, пошел к нему на встречу и сказал: «Генерал, вы одержали славную победу; я должен благодарить вас, но наградит вас его величество». Генерал Беннигсен, возмущенный медлительностью и нерешительностью фельдмаршала, которая помешала успеху этой блестящей победы, холодно поклонился ему и просил позволения удалиться из армии на несколько дней для того, чтобы полечиться от полученной им сильной контузии. Он отъехал не сойдя с лошади и не сообщил никаких подробностей о событиях этого дня».³¹

После отъезда Беннигсена Кутузов оставался некоторое время на месте, где он перекусил и затем отправился в Леташевку. Мимо гвардейских полков главнокомандующий проехал, когда «уже день клонился к своему окончанию». «С места сражения, — вспоминал Ермолов, — верхом у колеса дрожек фельдмаршала сопровождал я его до лагеря, и из слов его легко мог понять, в каком смысле готовился он сделать донесение государю». По свидетельству начальника штаба 1-й армии главнокомандующий говорил: «Какой дал Бог славный нам день! Неприятель потерял ужасно. Взято много пушек, и, говорят по лесам разбросано их много, а пленных — толпами их гонят! Надобно собрать точные сведения». Пушек всех и пленных я не видел. Неприятель не был тесним в отступлении и не был в положении бросать пушки. Выслушавши рассказ, я не обманусь, заключая, что донесение будет не без украшений».³²

Армия постепенно возвращалась в Тарутинский лагерь. Так, после проезда Кутузова в Леташевку, в четвертом часу оставил свою позицию 5-й пехотный корпус. При мерно тогда же, вероятно, отправились к Тарутину и другие войска, находившиеся на левом берегу Черниши. О движении 6-го корпуса Митаревский вспоминал: «Почти смеркалось, когда приказано было идти в лагерь». Заблудившись на обратном пути в лесу, он с артиллерией прибыл к Тарутино «очень поздно». Следовательно, возвращение войск левого фланга и центра началось около 4 часов и только к ночи они смогли добраться к своим бивакам.

³¹ Маевский. 89, 156-157. Маевский относил описанное им событие к моменту, когда Кутузов желал «усилить преследование неприятеля нашей кавалерией». Однако это маловероятно, так как главнокомандующий не мог наблюдать действия войск правого фланга, и Беннигсен прибыл к нему уже после отмены наступления; Евреинов. 453; Записки генерала В.И. Левенштерна. 118.

³² Симанский. 132; Записки А.П. Ермолова. 218.

На позиции у Винькова, под командованием Милорадовича, были оставлены 2-й, 4-й пехотные и 2-й, 3-й, 4-й кавалерийские корпуса. На аванпостах расположились казачьи полки. Вероятно, 1-й кавалерийский корпус был возвращен в лагерь, а 3-й пехотный корпус оставлен на позиции за деревней Дмитровской. «Мы, — вспоминал Радожицкий, — считали себя победителями и радовались, что уже очутились на отнятой земле. Каждый из нас с большим любопытством рассматривал все предметы, брошенные неприятелями; удостоверясь, что они точно ели лошадей, мы не могли надивиться их терпению и преданности Наполеону».³³

6 октября Кутузов отдал приказ по армии за № 42, в котором писал: «Завтрашнего числа во всех полках на случай одержанной неприятелем победы быть благодарственному молебствию в 12 часов по полуночи; между 1 и 2 линиями в одно время, принимая начало с правого фланга, куда вынести и Смоленскую Божию Матерь». 7 октября, вероятно, после молебствия, войска простились с телом Багговута. «Прах его, — вспоминал офицер 11-й артиллерийской бригады Г.П. Мешетич, — был почен в гроб лежащий, церемониальным маршем и проходом в трауре всех войск, участвовавших в этом сражении». Тело Багговута было перевезено в Калугу и похоронено в некрополе Лаврентьевского монастыря.³⁴

Таким образом, в результате Тарутинского сражения русские войска одержали победу над неприятельским отрядом Мюратом и заставили его ретироваться примерно на 18 км к Воронову. Весь ход сражения можно условно разделить на два этапа. Первый, начавшийся ближе к 7 часам утра и закончившийся около 10 часов, характеризуется активной борьбой, развернувшейся у лагеря противника. В начале сражения русские войска внезапно атаковали неприятеля. Особенно активно действовали части под командованием Беннигсена и Милорадовича. Однако сначала было остановлено движение 4-го и 6-го корпусов, а затем наступление левого фланга. Поэтому основные действия развернулись на правом фланге. Колонна Орлова-Денисова, несмотря на внезапность атаки, встретила серьезное сопротивление и не смогла отрезать неприятелю путь отступления. Мюрат начал выстраивать свою линию обороны на правом берегу Черниши, прикрывая путь отхода — Калужскую дорогу. В то же время, на левом берегу активное противодействие пехотным и кавалерийским колоннам русских войск оказывали части 5-го армейского и 2-го кавалерийского корпусов. Давление на польские части 2-го

³³ Симанский. 133; Митаревский. 121; Бутурлин. Кутузов в 1812 г. 200; Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского. 64; Дурново. 98; Радожицкий. 224-225.

³⁴ Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. 334; Мешетич Г.П. Исторические записки... // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С.52; Ассонов В.И. В тылу армии. Калужская губерния в 1812 г. Обзор событий и сборник документов. Калуга, 1912. Обзор событий. С.39.

и 3-го корпусов под общим командованием Беннигсена заставило противника начать отступление на правый берег Чернишни. Так же были вынуждены поступить 1-й кирасирский и два карабинерских полка, против которых действовала иррегулярная кавалерия Орлова-Денисова. Введение в бой 4-го пехотного корпуса Остремана-Толстого окончательно сломило сопротивление противника, который начал отходить по Калужской дороге. На втором этапе, длившемся примерно пять часов, происходило активное преследование неприятеля. Отряд Мюраты под давлением кавалерии левого фланга и войск Беннигсена поспешно, но не теряя порядка, отходил к Спас-Купле. Пройдя примерно 8 км, противник занял перед лесным массивом новую позицию. В преследовании наиболее активно участвовали казаки, регулярная кавалерия и части пехоты (отряд Е. Вюртембергского и Долгорукова), действовавшие при мощной поддержке артиллерии. Главные силы левого фланга и центра (6-й пехотный корпус), выдвинутые главнокомандующим к Чернишне, не принимали участия в сражении. К часу дня наступление русских войск по приказу Кутузова было остановлено, что позволило Мюрату удержать позицию при Спас-Купле. Около 3 часов атаки на противника закончились. После перехода дефиле неприятель отступил к Вороново, преследуемый отдельными отрядами казаков. Русские войска вернулись на исходные позиции, выдвинув сильный авангард к Виньково.

В Тарутинском сражении против 20-тысячного отряда Мюраты находилось более 40 тысяч русских войск, которые, вопреки диспозиции, действовали недостаточно согласованно. Несмотря на малочисленность и лишения лагерной стоянки, противник не потерял боеспособности, оказав в сражении серьезное сопротивление. По этим причинам войскам Мюраты было нанесено чувствительное, но далеко не полное, поражение.

В ходе сражения были взяты многочисленные трофеи. Официальные сведения Кутузова и его штаба, а также данные Беннигсена согласуются только в том, что был взят штандарт 1-го кирасирского полка и неприятельский обоз, в том числе и принадлежавший Мюрату. В остальном содержащиеся в них сведения расходятся между собой.

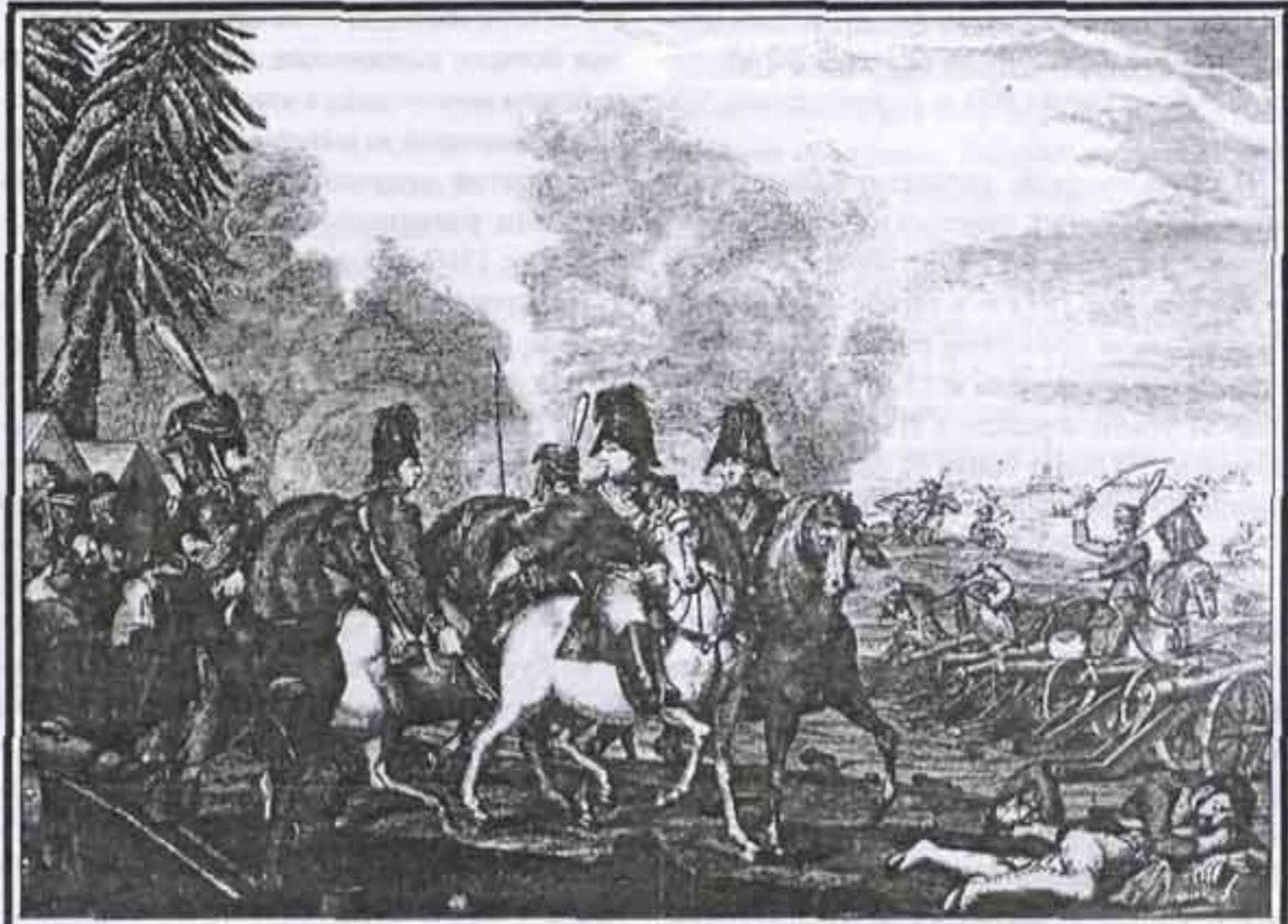
Что касается количества отбитых орудий, то участники событий, современники и историки называли разные цифры в диапазоне от 12 до 38. Орлов-Денисов в рапорте Кутузову от 7 октября сообщал, что казаками при первой атаке было отбито «до 20 пушек и 15 ящиков со снарядами. Из числа пушек – 17 казаками увезены, а остальные без лошадей оставались на месте сражения, которые после и забраны регулярными полками». В наградном списке, составленном на основе уточненных данных Орлова-Денисова, говорится, что казачьими полками бригады Сысоева 3-го было взято 10 орудий, Грекова 18-го – 9, Карпова 2-го – 2. Кроме

того, Кременчугский пехотный полк подобрал 2 орудия и лейб-гвардии Драгунский полк – одно. Содержащаяся в документах информация позволяет сделать вывод, что в период сражения русскими войсками было отбито 24 неприятельских орудия, при этом 4-я тяжелая кавалерийская дивизия 2-го корпуса лишилась всей своей артиллерии. О значении этих трофеев Михайловский-Данилевский писал, что «с 1805 г., когда начались наши войны с Наполеоном, нигде не отбивали у его армии столь большого количества орудий, как под Тарутином».³⁵

В рапортах, официальных сообщениях, дневниках и воспоминаниях указывалось, вероятно, примерное количество захваченных и оставленных неприятелем зарядных ящиков. Официальные данные и свидетельства участников событий, позволяют предположить, что не менее 40 зарядных ящиков было доставлено в Тарутинский лагерь, при том, что неприятель в ходе сражения потерял их около 70.

руб.».³⁶

Наиболее точные сведения о потерях противника содержаться в ведомости, составленной, вероятно, на основе строевых рапортов в неприятельском штабе. Согласно представленным данным в отряде Мюраты (включая офицеров) было убито 790 человек, ранено (имеются в виду те военнослужащие, которые, получив ранения, не попали в плен) – 854, взято в плен – 841 и пропало без вести – 310. Наибольшие потери понесли 5-й пехотный корпус (1311 человек), 2-й кавалерийский корпус (800) и артиллерия резервных кавалерийских корпусов (209). Минимальные потери были в 4-м кавалерийском корпусе (27 человек) и во 2-й пехотной дивизии 1-го корпуса (29). Отдельно в ведомости были показаны: генерал Фишер – убит, генерал Дери и штабной полковник Ж. Мержес – ранены и взяты в плен, Лефевр-Денуэтт, Сулковский, один генерал и 4 полковника – ранены. Если учсть среди раненых Мюраты (получившего, согласно

Гравюра С. Карделли. Победа при Тарутине. 1814 г.

К числу трофеев следует прибавить оставленное противником на поле боя оружие и снаряжение. Так, доставшиеся русским войскам кирасирские и карабинерские кирасы, благодаря проявленной Корфом инициативе, поступили в Псковский драгунский полк, шефом которого он являлся. Относительно оружия Милорадович предписал Остреману-Толстому «сколь можно, сбрать ружей на месте сражения и оные доставить в Главную квартиру. Его Светлость приказал выдать за каждое ружье по 5

вспоминаниям Гриуа и Тириона, два ранения) и генерала Зайончека, то общие потери в сражении составят 2807 человек, из них безвозвратные – 1944. Следовательно, противник лишился примерно 14 % личного состава. При этом, в польском корпусе было выведено из строя около 20 %, а во 2-м кавалерийском – более 30 % военнослужащих. Если предположить, что из числа пропавших без вести большинство было взято в плен, то общее количество военнопленных составит 1152 человека (включая штабного полковника Мержеса). Согласно ведомости о количестве пленных, отправленных комендантом Главной квартиры 1-й западной армии, в Калугу 9 и 10 октября было препровождено 2 штаб-, 34 обер-офицера, 1146 нижних чинов и 7 дезертиров.³⁷ Большин-

³⁵ Калужский государственный объединенный краеведческий музей. Инв. №724/106; Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. С.126; М.И. Кутузов: Сб. док. Т.4. Ч.2. С.17-18, 35; Известие о военных действиях. 154-155; Записки графа Л.П. Беннигсена. 521; Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. С.26; М.И. Кутузов: Сб. док. Т.4. Ч.2. С.24; Васильев. 62-63; Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны. 234.

³⁶ Вильсон. 184; Митаревский. 121; Подробнее см.: Кивовский А.В. Трофейные кирасы Псковского драгунского полка // Цейхгауз. 2000. №2. С.21-25; Глинка. 39.

С.Ю. Нечаев.

Португальская армия в период наполеоновских войн, 1808-1814 гг.

50 стр., А4, мягкая обложка, 10 цветных иллюстраций

В книге дана история португальской армии до завоевания Португалии французской армией генерала Жюно, а также после высадки в стране британской армии Веллингтона. Подробно рассмотрена организация попавшей под британское влияние португальской армии после 1809 г. Отдельно представлены все ведущие рода войск: линейная пехота, легкая пехота (егеря касадорес), кавалерия, артиллерия, вспомогательные части, городская милиция, ополчение орденанса, волонтерские части. Дан краткий анализ участия португальской армии в боевых действиях в период с 1807 по 1814 гг. Приведено описание униформы различных частей португальской армии и полковых знамен. Книга дополнена большим количеством цветных и черно-белых иллюстраций.

В связи с выходом книги с 1-го июня 2003 г. редакция прекращает принимать предварительные заказы.

Книгу можно приобрести отправив почтовый перевод на сумму **150 руб.** на адрес редакции ВИЖ "Воин": 443082 г. Самара, а/я 7916, Пархоменко Игорю Олеговичу.

ство из этих военнопленных, несомненно, было взято в ходе сражения. Таким образом, потери неприятеля могут быть оценены следующим образом: попало в плен примерно 1100 (в том числе не менее 30 офицеров), убито около 800 и ранено менее 900 человек.

В свою очередь, согласно ведомости о количестве убитых, раненых и пропавших без вести с 16 июня по 14 октября, составленной в декабре 1812 г. в штабе 1-й армии, в Тарутинском сражении русская армия потеряла 1203 человека и 15 строевых лошадей (11 убито, 4 ранено). Из числа военнослужащих 74 было убито (1 генерал, 1 обер-офицер, 3 унтер-офицера и 69 рядовых), 428 – ранено (1 штаб-, 16 обер-, 22 унтер-офицера, 386 рядовых и 3 нестроевых) и 701 – пропал без вести (8 унтер-офицеров, 677 рядовых и 16 нестроевых). Следовательно, почти 60 % потерь составили люди, чья судьба оказалась не выяснена. Такое значительное количество пропавших без вести военнослужащих, учитывая характер и результаты сражения, сложно полностью отнести к числу взятых в плен или убитых. Поэтому можно предположить, что большая часть приписанных к этой категории людей во время сражения попросту бежала из армии. В данном случае, возможно, речь идет об ополченцах, распределенных среди регулярных войск. По крайней мере, 10 октября Кутузов в приказе по армии за № 46 предписал принять соответствующие меры «к прекращению побегов ратниками чинимых». Следовательно, согласно ведомости, во время сражения было убито и ранено 499 строевых чинов.

Однако представленные в ней сведения не являются полными. По данным А.А. Васильева в ведомости были учтены лишь поте-

ри 2-го, 3-го, 4-го пехотных и 2-го, 3-го кавалерийских корпусов. При этом, численность военнослужащих, выбывших из строя, в 4-м корпусе была показана неточно. Оценив потери, понесенные 1-м и 4-м кавалерийским корпусами, а также казаками, Васильев пришел к выводу, что действовавшие против неприятеля войска лишились убитыми, ранеными и пропавшими без вести более 1500 человек.³⁸

Практически все участники событий отмечали, что русские войска, одержав победу над неприятелем, не смогли нанести ему серьезного поражения. Современники называли несколько основных причин, повлиявших на результат сражения: опоздание пехотных колонн правого фланга, смерть Багговута, общая несогласованность действий, нерасторопность Беннигсена и вмешательство Кутузова.³⁹ Анализ делопроизводственных документов, дневников и воспоминаний участников сражения позволяет предположить, что на результат сражения главным образом повлияла именно деятельность главнокомандующего, который всячески препятствовал исполнению принятой диспозиции. Возможно, в ходе проведенной им 5 октября рекогносцировки он выработал свой план действий, которому следовал, находясь вдали от места боя. В ходе сражения Кутузов остановил наступление Милорадовича, движение корпусов Дохтурова и, вероятно, Остермана-Толстого. Эти распоряжения привели к срыву выполнения диспозиции. Наступление правого фланга русских войск не было поддержано, что дало возможность противнику выиграть время, организовать сопротивление на новой позиции за Чернишней и начать постепенное отступление к Спас-Купле. Направив для преследования неприятеля кавалерию левого фланга и, вероятно, отряд Долгорукова,

³⁸ М.И. Кутузов: Сб. док. Ч.2. С. 70, 714; Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУЛ. С.337; Васильев. 63-64.

³⁹ Записки генерала В.И. Левенштерна. 118-119; Маевский. 156; Записки Щербина. 42; См.: Бутурлин. Кутузов в 1812 г. С.200; Дневник Александра Чичерина. 33; Митаревский. 121-123; Радожицкий. 222; Записки Щербина. 40.

Кутузов остановил сначала движение пехотных корпусов у реки Черниши, а затем, без каких либо веских причин, потребовал вернуть наступавшие русские войска на исходные позиции. Тем самым, он помог отряду Мюрату выйти из затруднительного положения и позволил ему спокойно отступить к Вороново через труднопроходимое дефиле. Все эти действия главнокомандующего привели к тому, что цель нападения – уничтожение неприятельского отряда, не была достигнута. Поэтому, победа в Тарутинском сражении не получила однозначной оценки со стороны его участников, и несмотря на нанесенный неприятелю серьезный урон, оставила чувство неудовлетворенности. «Трудно заглушить сомнение, – писал Граббе, – что по настоятельному только убеждению Беннигсена вынужденное согласие на план нападения и ему же представленное исполнение, не нашли полного и искреннего содействия, следствием которого было бы совершенное истребление французского авангарда». Можно предположить, что результаты Тарутинского сражения явились прямым следствием существовавшего в Главной квартире противоборства между Кутузовым и Беннигсеном, которое оказалось продолжено на поле боя и привело к тому, что окрепшая русская армия не смогла одержать решительную победу над 20-тысячным отрядом Мюраты. Вероятно неслучайно Раевский в письме своему дяде А.Н. Самойлову 7 октября писал: «Я в Главную квартиру почти не езжу, она всегда отдалена. А более для того, что там интриги партий, зависть, злоба, а еще более во всей армии эгоизм, не смотря на обстоятельства России, о коей никто не заботиться».⁴⁰

Победа в Тарутинском сражении не привела к принципиальному изменению военной обстановки. Отбросив отряд Мюраты, войска заняли прежнюю позицию в Тарутинском лагере, выдвинув вперед сильный авангард и наблюдательные посты казаков. «В результате этого великолепного сражения, – писал Беннигсен, – мы не выиграли ни пяди земли, то есть не захотели воспользоваться выгодами, которое могло доставить нам это сражение».⁴¹ Переход в наступление не входил в планы Кутузова, поэтому, действия русских войск ограничились только демонстрацией силы. Главнокомандующий продолжал занимать выжидательную позицию, в то время как стратегическая инициатива была оставлена в руках Наполеона.

Вместе с тем, важным результатом сражения было возобновление военных действий. Атака русских войск на отряд противника стала ответом на мирные предложения Наполеона и положила конец бездействию главных сил неприятеля. Выступление из Москвы планировалось Наполеоном задолго до Тарутинского сражения. Еще 23 сентября он начал подготовку эвакуации больных и раненых. К началу октября уже был разработан план будущей операции. По свидель-

⁴⁰ Граббе. 106; Личные письма генерала Н.Н. Раевского // 1812 – 1814. М., 1992. С.228.

⁴¹ Записки графа Л.Л. Беннигсена. 358.

ству находившегося при Наполеоне дивизионного генерала А. Коленкура выступление из Москвы было намечено на 8 (20) октября. «Император решил оставить часть своего двора в Москве. Он отдал уже мне распоряжение об этом, как вдруг около часу пополудни, когда он производил смотр войскам после парада, пришло сообщение о сражении неаполитанского короля с русскими в Винькове. Император тотчас же решил ускорить свое выступление и назначил его на день раньше, чем предполагалось сначала. Весь двор и обозы получили приказ выехать; этот приказ относился даже к больным, которые были способны к переезду». При известии о поражении Мюрута, как вспоминал главный квартирьер императорского двора Ф. Сегюр, «к Наполеону вернулся был его прежних лет. Тысяча приказов, начиная от самых важных распоряжений и кончая мелочами, приказов самых разнообразных, но согласованных между собою и одинаково необходимых, было одновременно продиктовано этим гением. До наступления ночи вся его армия была в движении». Следовательно, нападение на отряд Мюрута продемонстрировало готовность русской армии возобновить войну и заставило Наполеона приступить к исполнению намеченных им планов. Кроме того, поражение в Тарутинском сражении произвело неприятное впечатление на войска противника, которым оставалось утешаться тем, что Мюрат сумел спасти хотя бы честь.⁴²

Немаловажным результатом Тарутинского сражения стало и то, что одержанная победа подняла моральный дух русской армии. За войну 1812 г. впервые на главном театре военных действий войска одержали победу над крупными силами противника, преследовали его, нанесли серьезный урон, взяли французский штандарт, значительное количество орудий, зарядных ящиков, обоза и военнопленных. Неслучайно, видимо, в официальном известии о сражении Вильсон писал, «что моральное следствие сего сражения, в настоящем положении армии, гораздо важнее для пользы России, нежели

уменьшение сил неприятельских несколькими тысячами человек».

Кроме того, сильное воздействие на русские войска произвел лагерь противника. Так, Бутурлин вспоминал, что «одна из самых важных выгод, приобретенных нами в этот день, состояла в том, что мы убедились собственными глазами в нищете, царствовавшей во французской армии. Достаточно заметить, что в кухне самого короля Неаполитанского мы нашли ободранных кошек и вареное лошадиное мясо».

Не менее сильно потрясло русских то, как неприятель обращался с православными святынями. Так, Глинка отмечал, что «несколько церквей, бывших в руках французов, представляли разительный вид поруганной святыни. Престолы были разрушены, в алтарях спали солдаты и на помосте храмов стояли лошади, наполняя ржанием своим те священные стены, в которых раздавалось дотоле одно благоговейное пенье в честь божеству. Лики святых употреблены на построение шалашей».

Можно констатировать, что одержанная победа, взятые трофеи и вид биваков неприятеля во многом способствовали поднятию морального духа русских войск и возникновению ощущения своего превосходства над противником. Подтверждение этому находим в дневниковой записи от 7 октября офицера лейб-гвардии Семеновского полка А.В. Чичерина, который писал, что «дух наших солдат поднялся от сего удачного нападения; неприятельская же армия, должно быть, пришла в полное расстройство. Пользоваться артиллерией французы уже почти не смогут. И – всего важнее – их солдаты, привыкшие к тому, что мы отступаем, теперь так поражены неистовством нашего нападения, в такой ужас пришли от ярости, увлекавший вперед наших храбрецов во время атаки, что теперь дух неприятельских войск, надо думать, совершиенно упал».⁴³

Таким образом, в результате Тарутинского сражения русские войска одержали крупную победу над неприятелем. Против-

ник потерял примерно 2800 человек, оставил победителям значительные трофеи, в том числе 24 орудия, и свой лагерь. Со стороны русской армии выбыло из строя около 1500 человек. Хотя стратегическая инициатива осталась в руках неприятеля, сражение показало готовность русской армии продолжить войну, вынудило Наполеона ускорить оставление Москвы и способствовало поднятию в войсках боевого духа.

Нападение на малочисленный отряд Мюрута, расположенный вдалеке от основных сил Наполеона, стало закономерным результатом усиления русской армии в Тарутинском лагере. Хотя Кутузов не считал целесообразным переходить к активным боевым действиям и брать инициативу в свои руки, ему пришлось прислушаться к возникшему в войсках желанию атаковать противника. Вероятный приемник Кутузова на посту главнокомандующего – Беннигсен инициировал составление диспозиций и готовился принять активное участие в сражении. Царившие в Главной квартире интриги оказали негативное влияние на подготовку и проведение нападения. Решающую роль в сражении сыграли войска правого фланга, находившиеся под командованием Беннигсена. Активное давление на противника со стороны обходных колонн вынудило Мюрута начать отступление. В ходе сражения главнокомандующий остановил движение войск левого фланга и центра, а затем отменил преследование. Эти действия не позволили разгромить неприятельский отряд, отчего в русской армии возникло определенное чувство неудовлетворенности результатами сражения. В целом Тарутинское сражение, не сыграв значительной роли в войне, привело к возобновлению боевых действий, оказалось положительное влияние на моральный дух русских войск и деморализовало противника, развеяв иллюзию о скором окончании противоборства. Тарутинское сражение открыло новый этап войны, став символом скорой победы над противником. Именно такую оценку дали ему участники впоследствии. Оглядываясь на события 6 октября 1812 г., Вейссенгоф вспоминал, что «с этого дня началось наше отступление к польским границам и те бедствия, которые невозможно описать», в свою очередь Евреинов писал: «Можно сказать, что Тарутинское дело положило начало всех наших будущих побед и причинило совершенную гибель Наполеона и всей его армии».⁴⁴

Х. В. Фабер дю Фор. У Калужских ворот, Москва, 19 октября 1812 г.

⁴² Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара. 2002. С.245, 249; Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С.182-183, 185; Сегюр Ф. Поход в Москву в 1812 г. М., 1911. С.85.

⁴³ Вильсон. 184; Бутурлин. Кутузов в 1812 г. 200; Глинка. 35; Дневник Александра Чичерина. 33.

⁴⁴ Вейссенгоф. 231; Евреинов. 454-455.